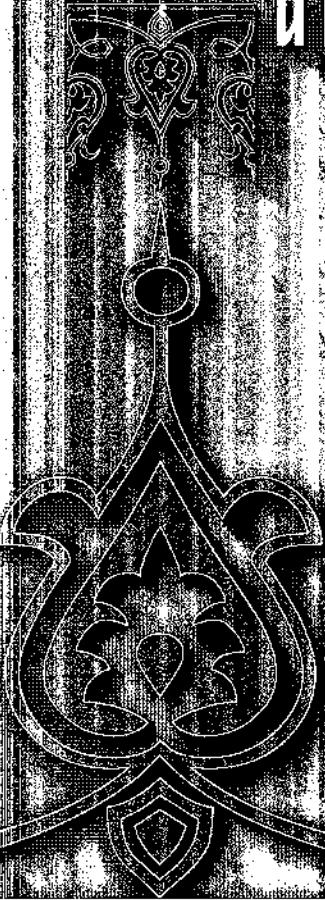

63,3(2Р37-6К)

ЭС 164

СОЛНЦЕ

борьба
и изгнание

Дзамихов К. Ф. – автор ряда монографических изданий по проблемам взаимоотношений России с народами Северного Кавказа в XVI–XIX веках, а также многочисленных публикаций по истории, историографии и источниковедения адыгов в эпоху средневековья.

В книге освещаются события героической борьбы адыгов за свою независимость и насильтственного выселения их в пределы Османской империи, приводится разнообразный иллюстративный материал.

Автор выражает искреннюю признательность и благодарность коллективу ОАО «Халвичный завод «Нальчикский» за финансирование издания этой книги.

Д 0503020900-014 без объявл.
Т43(03)-2005

ISBN 5-88195-700-8

© К. Ф. Дзамихов,
2005
© ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историческая литература, которая посвящена Кавказской войне, огромна и берет свое начало в XIX веке. Начиная с периода завоевания горских народов царизмом, формируются и устойчиво держатся разные историографические традиции – охранительно-монархическая и либерально-демократическая. Первая отображала имперскую позицию, в которой ключевыми понятиями были «колонизация», «умиротворение», «владычество» и т. д., изображавшая горцев «невежественными» и «грубыми», в отношении которых считались оправданными военно-феодальные методы завоевательной политики. Другая точка зрения, на наш взгляд, сформировалась в Европе и, в первую очередь, связана с именами К. Маркса и Ф. Энгельса, которые в многочисленных работах дали справедливую оценку освободительной борьбе северокавказских народов и отмечали колониальный и завоевательный характер войны со стороны царской России. Близко к этой позиции стояли русские демократы – Белинский, Чернышевский и Герцен. К сожалению, во второй половине XIX – начале XX века в русском обществе с осуждением завоевательной политики царизма выступали лишь отдельные лица, которые остались неуслышанными в своем Отечестве.

В новейшее время (XX век) в советской историографии появилось направление, которое изучало «национально-освободительное движение горцев», но оно в официальной академической науке давалось как логическое продолжение концепции «добровольных присоединений». Все это должно было способствовать формированию общественного мнения о складывании и цементировании единства народов задолго до образования СССР. Надо отметить, что и в советские времена, и в постсоветский период в российской исторической науке продолжает сохраняться идущая с царских времен геополитическая традиция». В основе ее лежит оправдание закономерности якобы «изначально присущего России стремления расширяться» и «порабощать» присоединенные территории. В 1980-х годах появилась в кавказоведении версия о «горском экспансиизме», которая объявила виновными в войне западных адыгов, дагестанцев и чеченцев, находившихся на «дофеодальной», «общинной» или «военно-демократической» стадии. Партизанские формы

ведения освободительной борьбы, выражавшиеся во внезапных нападениях на русские военные укрепления и казачьи станицы, создаваемые во множестве на отнятых у горцев землях, объясняются «набеговым синдромом», которому присущ особый способ жизнеобеспечения. Такого рода работы имеют главной целью отрицание колониального характера войны, его затушевывания, прикрытия жестокости завоевания, скрытия факта геноцида адыгов и других этносов, прогрессивности российского господства в противовес возможности господства здесь других держав.

В постсоветский период (1990-е годы) появилось много публикаций, которые освещают различные стороны процесса завоевания царизмом северокавказских народов; введено в оборот множество документов; постепенно воссоздается хроника военных действий; утвердившимся историографическим фактом является положение, что по отношению к адыгам и их насильственному выселению в Османскую Турцию так называемый «исламский фактор» и деятельность «англо-турецких шпионов» не более чем третьюстепенный фактор.

При всем этом необходимо констатировать, что научное познание сложнейшего социально-политического явления, как завоевание северокавказских народов царской Россией, все еще далеко до своего решения. В кавказоведении пока не достигнуто консенсуса по ключевым понятиям и категориям, которые должны послужить методологическим инструментарием в познании трагического этапа северокавказской истории. Достаточно отметить, что война трактуется и называется совершенно по-разному в существующей литературе: «Кавказская война», «Русско-Кавказская война», «Кавказские войны», «Народно-освободительная», «Национально-освободительная», «Антиколониальная» и т. д. Понятие «Кавказская война», имеющее более давнюю традицию в историографии, начиная от энциклопедии Брокгауза и Эфрана до аналогичных советских изданий (БСЭ, СИЭ и др.),дается в самых разных трактовках.

Нам также приходилось обращать внимание, что и понятие «мухаджирство» не соответствует содержанию социально-политического явления как насильственного изгнания и массового исхода адыгов, абхазов и др. горцев за пределы своего отечества. Профессиональные учёные (историки, политологи, литераторы), представители

творческой интеллигенции должны наконец понять, что речь идет не о простой и безобидной, на первый взгляд, постановке вопроса, которая сводится чуть ли не к спорам терминологического характера. Речь идет о концептуальном подходе, от правильного решения которого во многом зависит сама оценка явления в целом.

Современное состояние кавказоведения по обсуждаемой проблеме позволяет сделать следующий вывод: в современной исторической литературе, зачастую, повторяются старые подходы, хотя имеются и позитивные сдвиги, отмеченные выше. Знакомясь даже с самыми последними изданиями, не могу не сказать и о том, что многие авторы в освещении различных аспектов проблемы обнаруживают локальный подход, игнорируя (специально или по незнанию) результаты, наработанные в адыгской, дагестанской, чеченской историографии, а также в крупных центрах – Москве, Ростове-на-Дону и др. Необходимо, на наш взгляд, обобщать и комплексно осмысливать все достижения отечественной и зарубежной научной мысли по этой проблеме.

Таким образом, многообразие концептуальных подходов и острая дискуссионность проблематики Кавказской войны объясняется тем, что она представляла собой сложный, многомерный исторический феномен. Его целостная интерпретация в какой-либо отдельной плоскости – истории международных отношений, geopolитики, социальной истории народов Северного Кавказа, политической истории России и т. д. непродуктивна. Если все же вычленить общее содержание различных подходов, то оно сводится к растянувшемуся на десятилетия утверждению в крае российской юрисдикции путем военного подавления местных народов и насилиственного изгнания многих из них из своей отчизны в пределы чужого государства.

Еще в середине XVI века многочисленные адыгские княжества выбрали союз с Русским государством в борьбе с общими врагами. С 1760-х годов адыги оказались вновь перед необходимостью выбора, и они выбрали путь сопротивления, путь отстаивания своей свободы. Это была борьба, направленная не на достижение внешних целей, а на защиту суверенности своего жизнеустройства, верховенства на своей земле своего традиционного социально-политического порядка. И если кто-либо из «псевдоисториков» или «горе-политиков» в современной России

хочет (как это было раньше) усмотреть в насильственном массовом изгнании адыгов на чужбину в конце кровопролитной завоевательной войны какой-то элемент их собственного выбора, то он увидит только выбор отчаянной и трагической борьбы за национальное самосохранение. Указанные события, связанные с колониализмом и имперской политикой, основательно подорвали процесс их естественного развития, привели к нарушению естественного баланса народонаселения, потере основной части своих исконных земель, в чем во многом кроются корни сегодняшних бед.

В событиях последних пятнадцати лет чрезвычайно активно был задействован фактор исторической памяти. И Кавказская война стала одним из наиболее «цитируемых» явлений прошлого. Это неудивительно. Память о ней несет в себе большое политическое и эмоциональное напряжение. С одной стороны, для нескольких миллионов адыгов, живущих за рубежом, отчизной является историческая родина на Кавказе. С другой стороны, в условиях так называемой демократической России, сколки некогда многотысячного шапсугского народа на своей исторической родине – российском Кавказе – не могут получить даже статус национально-культурной автономии. Трудно оставаться беспристрастным, когда знаешь, что в результате массового истребления и насильственного изгнания за пределы исторической родины на Северо-Западном Кавказе сохранилось не более 5% адыгского населения.

История учит тому, что те народы, которые теряют историческую память, в конечном итоге обречены. Прежде всего, на героических примерах борьбы наших предков мы должны учить подрастающее поколение свободолюбию и верности своему Отечеству. Нам надо очень многое сделать, чтобы возродить и сохранить свою духовную культуру, свой язык и, наконец, свою самоидентификацию. Пора адыгскому социуму осознать, что в ее геройской и одновременно трагической истории были свои национальные герои, подлинные лидеры народа. Им надо ставить памятники, называть их именами улицы, воспевать их в научных и литературных произведениях. Их добрые имена должны остаться в истории. Долг историков – восстановить названия стертых с лица земли аулов и создать Книгу памяти жертв Кавказской войны. Сегодняшним поколениям необходимо помнить, что несмотря

ря на длительную и героическую борьбу наши предки потерпели поражение; у них не было социальной сплоченности, многие князья и дворяне были привлечены царизмом на свою сторону; на протяжении всей войны восточные и западные адыги не сумели объединиться, что позволило царизму вести с ними борьбу по отдельности. Из ошибок прошлого необходимо извлекать уроки.

Современная ситуация в межнациональных отношениях требует от российского руководства знания и уважения истории всех народов, населяющих федерацию. Интеллектуальная элита северокавказских народов усиленно занята поисками своих исторических корней, и особое место в этих поисках занимает воспоминание о собственной государственности, ликвидированной в ходе завоевания края, а также воссоединения этноса – живущих на отчей земле с потомками изгнанников. Нельзя ученым и политикам больше совершать ошибок. Идеологизированные и политизированные подходы заводят научное изучение Кавказской войны в тупик и превращают историческую память в один из конфликтогенных факторов на Северном Кавказе. Признание колониального завоевания северокавказских народов, а также факта геноцида адыгов должно быть декларировано официально, федеральным законодательным актом, стать широко и повсеместно известным. Общее осуждение мрачных страниц прошлого будет способствовать укреплению федерализма и общежития народов. Северокавказские народы надо воспринимать не как объект притязаний как в XIX веке, а как полноправный субъект взаимоотношений в контексте региональной и международной политики.

А о варварствах колониализма и о тех, кто защищал эту систему еще в XIX веке, надо писать нам объективно и больше, т. к. забывать о них слишком опасно: об этом говорят недавние события в Чечне.

P. S. Автор обращает внимание, что публикуемые материалы – это очерки, выходившие на страницах газет «Кабардино-Балкарская правда», «Адыгэ псальэ», «Советская молодежь», «Нарт» и «Адыгская хасэ» в 1990-х годах.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (на материалах адыгской истории)

§1. Адыги на этнотERRиториальной карте Северного Кавказа

Адыгский народ, в число которых входят современные адыгейцы, кабардинцы и черкесы, был в XVI – XVIII веках одним из самых крупных этнических общин на Кавказе и оказывал большое и всестороннее влияние на окружающие народы. Автор фундаментальной двухтомной «Истории Кубанского казачьего войска» Ф. А. Щербина, хорошо знакомый с историей адыгов, писал: «Основной тон жизни закубанских народов давали черкесы, как преобладавшая по численности народность. Их обычаи и нравы были господствующими, их военный быт, и постоянная жажда борьбы и военных приключений отражались и на других национальностях». Современный же западный исследователь Пол Хенце считает, что «после грузин и армян черкесы подошли ближе всего, по сравнению с другими кавказскими народами, к формированию предпосылок национального единства».

Для правильного понимания различных аспектов исторического процесса, связанного с адыгами, необходимо представить их географическую локализацию в XVI–XVIII веках. Существующие специальные исследования, основанные на широком и разноплановом круге русских, западноевропейских и восточных источников, позволяют считать, что в исследуемый период состав различных адыгских этнических групп и занимаемая ими территория сохранялись в основном так, как их знают и источники начала XIX века.

Начиная от северо-западной оконечности гор Большого Кавказа адыги заселяли обширную территорию по обе стороны Главного хребта примерно на 275 км (считая по Водораздельному хребту с северо-запада на юго-восток), после чего их земли переходили уже исключительно на северные склоны Кавказского хребта, в бассейн Кубани, а потом Терека, простираясь на юго-восток еще примерно на 350 км. Один из лучших знатоков адыгской истории Хан-Гирей в работе «Записки о Черкесии» писал: «Черкесские земли простираются в длину с лишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой

реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния Сунжи с рекой Тереком». Реки Кубань и Терек играли и играют главную роль в физико-географическом районировании Северо-Западного и Центрального Кавказа. С их склонов стекают огромное количество больших и малых рек, по которым легко ориентироваться при показе традиционных мест расселения адыгов.

Таким образом, территория, занятая адыгами, тянулась от границ Абхазии до низовьев реки Терек. Общая площадь, оставшаяся в распоряжении адыгов в первой половине XIX века, составляла 180 тыс. кв. км. С запада она ограничивалась Черноморским побережьем и еще в конце XVI века включала восточное побережье Азовского моря к юго-западу от устья Дона. Как северную границу исторические документы чаще указывают Кубань, хотя в разные периоды истории земли по правому берегу этой реки занимали отдельные этнические группы адыгов. На востоке крайние адыгские владения располагались южнее слияния реки Сунжи с Тереком по направлению к Каспию. На юге адыгские земли вплотную примыкали к Большому Кавказскому хребту. Анализ существующей специальной литературы позволяет сделать вывод, что общая этническая территория адыгов и ее внешние границы оставались в целом неизменными с конца XV до конца XVIII века.

Адыгская этнополитическая общность четко делилась на две группы: западную и восточную. Граница между Западной (Закубанской) и Восточной (Кабарда) Черкесией проходила от Эльбруса на север по Пятигорью до верховьев Кумы. Источники XVI–XVIII веков позволяют выделить 18 субэтнических групп адыгов, из которых наиболее значительными были: «вольные черкесы» – шапсуги, натухайцы и абадзехи; «аристократические черкесы» – жанеевцы, шефаки (шегаки), бжедуги, темиргевцы, хатукаевцы, егерукаевцы, адамиевцы, мамхеговцы, махоши, бесленеевцы и кабардинцы.

Кабардинцы, жившие в районе Пятигорья, междууречье Терека и Малки, а также по рекам Баксан, Чегем, Черек, Урух, на правобережье Терека до реки Сунжи, составляли к XVI веку устойчивую этническую группу. Жанеевцы составляли две территориально независимые группы: Малая Жана была расположена к северо-западу от современного Туапсе, а Большая Жана, по сведениям

Э. Челяби, занимала территорию «от Крыма до реки Абин». Шегаки («шевакийские черкесы») жили вблизи Анапы, у подножья Бешкайских гор. На прибрежной полосе Черкесии проживали адамиевцы. Хатукаевцы располагались к востоку от Большой Жаны в земле «Хундуг» по рекам Абин, Иль и Абурган. Темиргоевцы занимали бассейн рек Пши и Шхагуаше (Белая). Ближайшую к Кабарде территории документы обозначали как «Бесленей», и это княжество находилось в междуречье Лабы в верхнем течении Кубани.

Во внутренних границах различных субэтнических подразделений Западной Черкесии на протяжении рассматриваемого периода происходили определенные изменения социального и демографического характера, обусловленные миграциями. Последние могли быть следствием консолидации адыгского этноса, когда одни группы сливались с более крупными или, наоборот, крупное подразделение могло распадаться на несколько ветвей. На эти изменения очень часто влияли и внешние «вызовы», например, активная завоевательная политика соседнего Крымского ханства. Наглядным примером отмеченных процессов является резкое сокращение к началу XIX века численности жанеевцев, в последующем – их полное исчезновение. А они в конце XV–начале XVI века являлись одним из самых крупных адыгских народностей.

Известные специалистам на сегодняшний день отечественные и иностранные источники XVI–XVII веков не упоминают о «вольных», или «демократических» народностях абадзехов, шапсугов и натухайцев, которые в первой половине XIX века составляли $\frac{3}{4}$ населения Западной Черкесии. В исторической литературе Е. П. Алексеевой было высказано предположение, что они тогда еще не сформировались окончательно в самостоятельные субэтнические группы. Е. Н. Кушева оспорила это суждение и показала, что указанные группы были известны русским и иностранным источникам с начала XVIII века. В них эти народности обозначились как «вольные черкесы» и в силу таких причин, как особенности общественно-политического строя (отсутствие княжеского правления) и проживание в «крепких гористых местах», были независимы и не находились в сфере влияния Крыма, а тем более России.

По свидетельству источников и специальной литературы, адыгская общность была открытой по сравнению с

другими на Кавказе и отличалась проницаемостью культурно-языковых границ для демографического обмена и межэтнических социальных связей. Благодаря этому в разные периоды истории адыгская среда аккумулировала и растворила в себе представителей самых различных этносов, среди которых были как близкородственные по языку абазины, так и совершенно далекие в лингвистическом плане тюркоязычные ногайцы и кумыки, армяне, калмыки и т. д.

Демографические процессы, связанные с историей адыгского населения в прошлом, совершенно не изучены наукой.

В исторической литературе ставился лишь вопрос о численности адыгов накануне их массового переселения в Османскую Турцию, но и он, по существу, остается спорным. Такое состояние обусловлено, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Первое из них – это отсутствие прямых источников данных о важных демографических параметрах, с помощью которых можно определить динамику естественного движения адыгского населения (как рождаемость, смертность, брачность, соотношение полов и др.) для XVI–XVIII веков. Второе – это трудности, связанные с выработкой методики анализа тех косвенных и фрагментарных данных, которые бы дали возможность примерного установления динамики численности населения, раскрытия его структуры и изменений в размещении в исследуемый период.

Имеющиеся в нашем распоряжении отечественные и иностранные письменные источники позволяют выделить такие критерии, как то: а) тип семейной ячейки; б) количество выставляемого адыгами конного дворянского войска; в) численность крымских войск, участвовавших в походах на адыгские земли и размеры захватываемого ими полона, или «ясыря».

Специальные исследования показывают, что господствующим типом семейной ячейки у адыгов (как и других народов Северного Кавказа) в XVI – первой половине XIX века являлась большая патриархальная семья или семейная община, которая насчитывала от 20 до 100 человек. По свидетельству П. С. Потемкина, у кабардинцев «каждое семейство от прадеда и до позднего поколения живет нераздельно и пищу употребляет из одного котла и по сему самому здесь народ не говорит «сколько семей или дворов», но сколько «котов». Т. А. Лапинский, живший

долгое время среди западных адыгов, отмечал, что «в одном фамильном дворе (унэ) живут, кроме родителей, все их женатые и неженатые сыновья и незамужние дочери; такие семьи очень многочисленны, т. к. часто вместе живут несколько братьев со своими семействами; часто в одном унэ живет до 100 душ обоего пола». В документах встречаются указания на то или иное количество дворов в адыгских населенных пунктах. Учитывая специфику их семейного быта как семейная община, вряд ли при наших подсчетах будет правильным отождествление «двора» и «семьи». Обычно на территории двора проживало несколько семей, а в усадьбах феодальных владельцев располагались и семьи прислуги. В исследовании Х. М. Думанова читаем: «В подавляющем большинстве случаев в одном кабардинском дворе проживало несколько семейств. В частности, характерным явлением для кабардинских феодальных семей являлось то, что они вместе со своими крестьянами проживали в одном и том же дворе».

В описываемый период у адыгов не было регулярного войска и в случае военной необходимости обычно собиралась дворянская конница. Дворяне (уроки), посвящая все свободное время военным упражнениям, в совершенстве владели военным ремеслом и образовывали особую военную касту. В Записке о Кабарде, составленной Коллегией иностранных дел в 1748 году, говорится, что у кабардинцев «...не в обыкновении употреблять своих подданных на войне, если же когда их и употребляют, то в самой крайности, что бывало весьма редко, да и только в пехотные полки, а не в конные, которые лично всегда они составляли сами». Данные о численности конного войска, соотносимые с удельным весом дворянского сословия в общей структуре населения конкретных адыгских народностей, позволяют выяснить примерную численность населения. При указанных выше методах подсчета адыгского населения обязательно необходим учет того урона, который имел место в ходе многочисленных нападений и походов крымских ханов, когда истреблялась живая сила и брался огромный полон.

Все это в совокупности позволяет составить самую примерную картину численности и динамики населения адыгских «аристократических» народностей.

В 1567 году крымский хан Магмет-Гирей, хвалясь в грамоте Ивану IV успехами своего набега на «кабардин-

ских черкес», писал: «...полону взяли больше двадцати тысяч».

Эта цифра говорит о многочисленности кабардинского населения в этот период. На 1640-е годы документы приводят данные о количестве «кабаков», т. е. населенных пунктов: «кабаков 112» (сюда не входят кабаки удельного княжества Клехстана в Малой Кабарде). Е. Н. Кущева считала эти данные очень заниженными. Более реальную картину народонаселения Кабарды дают документы XVIII века. По данным 1711 года кабардинцы могли выставить в течении суток 30 тыс. человек, половину которого составляла княжеско-дворянская конница. О 15-тысячной кабардинской коннице свидетельствует и документ 1755 года. Наиболее ранние переписи населения Кабарды, дошедшие до нас, относятся к 1825 году. Они дают самую заниженную картину структуры и численности населения, потому что вследствие чумы и военного завоевания Кабарды царизмом с конца XVIII века до 1822 года ее население сократилось в 10 раз. Таблицы, составленные по данным 1825 года, показывают, что в средней дворянской семье проживало свыше 5 человек. Значит, за 15 тыс. вооруженных дворян стояло 75-тысячное уоркское сословие по самым допустимым минимальным расчетам. По этим же таблицам удельный вес дворянства по отношению ко всему другому населению выступал как 1:4,68. Таким образом, по этим расчетам, всего кабардинского населения к середине XVIII века получается 351 тыс. Анализ материалов, характеризующих работу кабардинского сословно-представительного органа Хасэ, в котором участвовали все князья и дворяне – владельцы деревень Большой Кабарды от 31 октября 1753 года и 8 мая 1761 года, показывает, что решающего голоса имела $\frac{1}{100}$ часть дворян Кабарды, а их всего насчитывалось 20 тыс. Использованная выше методика подсчета дает нам 100 тыс. людей мужского и женского пола дворянского сословия. С учетом его удельного веса население Кабарды могло составлять до 450 тыс. человек.

Определенные данные имеются о количестве населенных пунктов и располагавшихся там дворов. В 1729 году в Большой Кабарде был убит крымский султан Бахты-Гирей. За его кровь крымский хан потребовал с кабардинцев «1700 ясырей (по одному с пяти дворов)». Следовательно, в Большой Кабарде насчитывалось в первой

трети XVIII века 8500 дворов. Если население Малой Кабарды взять за половину от указанной цифры, то во всей Кабарде имелась 1 тыс. дворов.

Князь Касай Атажукин в своем сообщении астраханскому губернатору в 1747 году писал, что в кабардинских дворах проживало «женска и мужска полу душ по 30-40 и 50...». Если мы возьмем самый нижний показатель (30 душ в одном дворе), то 13 тыс. дворам соответствует 390 тыс. человек.

Имеются отдельные данные о количестве дворов в кабардинских населенных пунктах. В документе, датированном 1752 годом, говорится: «от речки Кенжи до речки Шелухи верст с пять, а по ней кабаков три, в которых бывають дворов по 60-70 и 90». В другом документе за 1762 год речь идет о незаконном захвате князьями Бекмураинами «12 кабаков в коих де было дворов по 20-30 и 60». Получается, что в среднем в кабардинских населенных пунктах проживало до 2100 человек, если брать минимальные и средние показатели приведенных документов. По ландкарте 1744 года в Большой и Малой Кабарде имелись 122 деревни. По другим источникам их было значительно больше. Если количество дворов в среднем населенном пункте брать как 60, а во дворе в среднем проживало 50 человек, то в 122 деревнях Кабарды к середине XVIII века могло проживать 366 тыс. человек.

Таким образом, по нашим расчетам численность населения Кабарды на протяжении XVIII века колебалась от 350 тыс. и выше.

В силу чрезвычайной консервативности семейного и военного быта адыгов, использованная методика анализа применима и для других «аристократических» адыгских народностей. По ним, к нашему сожалению, состояние источников носит более ограниченный характер, потому мы будем вынуждены пользоваться в сопоставительном плане и материалами, относящимися к первой половине XIX века.

Самый ранний документ, в котором содержится интересующий нас материал, датируется августом 1555 года. В памятке гонцу в Литву Савлуку Турпееvu царское правительство предписывало рассказать о приезде черкесского посольства (от жанеевцев и бесланеевцах. – К. Д.) и об их челобитье: «чтобы их государь со всею землею взял за себя и дань на них наложил имати на всякий год

по тысячи аргамаков, да ходити князем их на всякие государевы службы, а с ними людем их быти на войну по двадцать тысяч». Известие о 20-тысячном войске Е. Н. Кушева считала преувеличением, допущенным в дипломатическом документе. Однако источники XVII века позволяют говорить об этой цифре как реальной. В данном случае мы пользуемся выдающимся трудом турецкого автора Эвлия Челяби «Книга путешествия», который получил самую высокую оценку в отечественном кавказоведении и востоковедении. И. Б. Греков убедительно показал, что Челяби участвовал в многочисленных военных кампаниях Турции и Крыма (с начала 40-х и до конца 60-х годов XVII века) в роли не простого воина, а многоопытного военно-политического наблюдателя, имел широкий круг интересов и обязанностей: от инспекции укрепленных районов до политической разведки и ответственных дипломатических переговоров. Он абсолютно прав, что сочинение Челяби первоначально создавалось ради совершенно определенных политических целей, как сбор сведений военно-стратегического характера, выявление общей расстановки сил в том или ином регионе, оценка обороноспособности той или иной страны и т. д. В свете этого к сведениям Э. Челяби относительно количества деревень или выставляемого различными западноадыгскими народностями конного войска можно относиться как вполне репрезентативным. Турецкий автор считал, что в период пребывания его в Западной Черкесии (1666) такие группы, как жанеевцы, бесланеевцы, темиргоевцы, бжедуги, хатукаевцы и шагаки, вместе могут выставить 33-тысячное конное войско (в том числе жанеевцы – 13 тыс., бесланеевцы – 5 тыс.). Указанной дворянской коннице могло соответствовать население в 759 тыс. человек обоего пола. Через неполные 100 лет довольно серьезный статистический материал по Крымскому ханству и Западной Черкесии собрал в 1750-х годах К. Пейсонель. Он считал, что западные адыги «вместе взятые легко могут выставить 100 тыс. людей и гораздо больше в случае необходимости». В работе известного западного историка А. Беннигсена содержится оценка, которую давала служба великого визиря Османской Турции в 1785 году относительно военной и политической картины народов Северного Кавказа (читай Северо-Западный Кавказ. – К. Д.) как могущих выставить до 100 тыс. человек. Если половину указанного войска считать дворянской конницей в 50 тыс. человек (а по

различным источникам ее было значительно больше), то ей могло по самым минимальным подсчетам соответствовать население в 1 млн 250 тыс. человек к середине XVIII века.

Из многочисленных авторов первой половины XIX века более достоверными считаются сведения по Западной Черкесии, приводимые Г. В. Новицким (1 082 200 человек), Т. Лапинским (1,5 млн человек), офицерами, которые собирали свой материал непосредственно среди адыгов и руководствовались профессиональной заинтересованностью.

Из дореволюционных историков интересно мнение Ф. А. Щербины, который полагал, что «черкесов было больше чем сколько показано у Новицкого». Н. Дьячков-Тарасов, автор не утратившей своей значимости работы «Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточную воиною 1853 года», считал: «...по имеющимся официальным сведениям, собранным по распоряжению князя Паскевича в 1830 году, всего перечисленного выше населения горцев (адыгов. - К. Д.) было до 1 млн 700 тыс. и будто эти горцы могли выставить до 250 тыс. вооруженных людей». В новейшем исследовании А. Х. Бижева, где дан тщательный анализ всех материалов по первой половине XIX века, говорится, что «можно согласиться с теми данными, которыми располагал фельдмаршал Паскевич: 1,7 млн».

Раз большая группа авторов XIX века и историков новейшего времени считают, что в период кровавых событий Кавказской войны и трагедии геноцида население Западной Черкесии составляло от 1,5 до 1,7 млн человек, то к середине XVIII века его, наверное, было не меньше 1 млн.

В XVI–XVIII веках адыгские равнины и предгорья были густо заселены. Пустопорожних земель у адыгов не было, но особенности хозяйствования и постоянная внешняя угроза способствовали выработке своеобразной, в тоже время практической системы землепользования: часть земель использовалась для распашки, а другая под пастбища, третья служила убежищем во время нападений врагов и феодальных междоусобиц. Встречающиеся в документах XVI–XVII веков сообщения о «кочевьях» кабардинцев нельзя понимать, по справедливому замечанию Е. Н. Кушевой, в буквальном смысле.

Тем более, что право переселения князей и первосте-

пенных дворян традиционно ограничивалось территорией сравнительно небольших уделов и фамильных владений. Так, район Пятигорья считался традиционным центром кабардинских земель, хотя в отдельные периоды источники не фиксируют здесь постоянных населенных пунктов. Это объясняется близостью выхода к степи и опасностью нападений крымцев, ногайцев Малой Орды, а с 30-х годов XVII века и калмыков, что вынуждало население держаться ближе к горам. Земельное «утеснение», имевшее место у адыгов, свидетельствует о большой плотности населения. Когда в 1769 году русское правительство решило переселить из-за Кубани в Кабарду 100 абазинских дворов, принявших русское подданство, военное командование столкнулось с трудностями в их размещении. Попытавшийся для решения вопроса капитан М. Гастоти, в рапорте главнокомандующему, отмечал: «По осмотре моем оказалось, что все лежащие около Кабарды, способные к поселению места, так равно и в Кацкатаевском ущелье и по рекам Чегему, Череку и Урефу и около тех рек и уроцищ как то и на приложенной при сем карте значит, заняты зелением Большой и Малой Кабарды народа, почему к поселению других народов удобных мест совсем не отыскалось». Именно из-за высокой плотности населения и нехватки земель возникали часто феодальные междоусобицы в адыгских княжествах.

По сравнению с другими регионами, можно говорить о благоприятной среде обитания (побережье Черного моря, равнины и предгорья Северо-Западного и Центрального Кавказа, богатые пастбищами и удобными для хлебопашства землями) и связанной с ней экономической базой, которые благоприятствовали естественному воспроизведству адыгского населения. Средневековые авторы постоянно подчеркивали, что на продолжительность жизни адыгов влияют здоровое, но одновременно умеренное питание, высокий уровень гигиены, особое внимание в традиционном укладе жизни физическому и трудовому воспитанию подрастающего поколения. Упомянутый выше современный западный исследователь П. Хенце обращает внимание даже на характер адыгских жилищ: «Население жило не в укрепленных селениях с каменными башнями, подобно жителям Восточного Кавказа; обычными были изолированные хутора, часто окруженные садами и ореховыми рощами. Черкесы редко строили из камня, предпочитая древесину. Для тех времен состояние здоровья было хорошим и обычно существовал избыток населения».

Вместе с тем необходимо отметить, что «голодные» и неурожайные годы, различные стихийные бедствия, как эпидемии («моровое поветрие»), опустошительные войны, оказывали влияние на демографический рост адыгов. Например, в 1590 году кабардинские князья отписали в Москву о суровой зиме; в начале XVII века (1606–1608) вследствие неурожая на Северном Кавказе был голод; в июле 1737 года подполковник Р. Шейдяков доносил в Петербург, что «имеется в Кабарде великое моровое поветрие»; в 1749 году сообщение дворянинаА. Киреева, что «в Крыму, Кефе и на Кубани в Темрюке, и в Тамани немалая поврежденная болезнь». Особенно чувствительными были частые нападения на адыгские земли крымских ханов. Не проходило года, чтобы крымцы не совершали набеги или крупные походы на адыгские княжества. Численность нападавших отрядов была различной – от нескольких тысяч до 40 тыс. и более. Невозможно установить точное количество погибших, а также захваченного крымцами «ясыря». Но бесспорно одно, что в результате крымского фактора адыги теряли большое количество трудоспособного населения, что отрицательно сказывалось на росте народонаселения.

Приведенные материалы, хотя и дают нам только приблизительные сведения о численности и естественном движении населения, позволяют говорить об устойчивом демографическом состоянии адыгских народностей с XVI по конец XVIII века.

§ 2. Антиколониальная борьба Кабарды в конце XVIII – первой половине XIX века

Во второй половине XVIII века Россия значительно окрепла и утвердила свой международный авторитет. В ее восточной политике происходят изменения по отношению к Кавказу. После ликвидации автономного существования запорожского и донского казачества, а в последующем – и Крымского ханства в российских правительственные кругах начинают разрабатываться широкие планы колонизации южных степей и Предкавказья. Укрепив свои позиции в бассейне реки Терек, царизм своей первоочередной стратегической и политической задачей ставит завоевание Центрального Кавказа, и в первую очередь Кабарды. Только при условии полного завоевания Кабарды царизм мог подчинить Центральный Кавказ и через это удержать свои позиции в Закавказье.

В 60-х годах XVIII века в крае появляется сплошная линия военных укреплений – от Кизляра, заложенного еще в 1736 году, до Моздока (1763), что явилось началом возведения «Кавказской линии». Для сооружения крепостей отбирались земли кабардинцев и др. горских народов. Одновременно расширялась сфера военно-казачьей колонизации. В официальных документах, излагающих правительственные программы, довольно ясно говорилось, что «единственное надежное средство для прочного утверждения нашего владычества на Западном Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением». В практике царизма, по справедливому замечанию А. В. Фадеева, эта установка применялась и по отношению к Центральному и Восточному Кавказу. Появление новых казачьих станиц в верховых Кумы, по Лабе и Урупу, Малке и Сунже сопровождалось оттеснением в горы местного населения. Из центральных областей России на Северный Кавказ начинается переселение крепостных крестьян. Поощряя эти процессы, царизм использовал их как рычаги своей завоевательной политики на Кавказе.

Военные крепости, о которых идет речь, являлись форпостами царизма и имели теперь больше не оборонительное значение, как в XVI – XVII веках, а наступательное против горских народов. Кабардинская господствующая верхушка хорошо осознавала, что военные укрепления будут ограничивать их политическую и экономическую независимость, и стала занимать резко враждебную позицию по отношению к России.

Строительство крепости Моздок в 1763 году на территории Кабарды, по своей сути, являлось началом планомерного захвата кабардинских земель. С 1769 года русская военная администрация, назначив приставом в Кабарду секунд-майора Дм. Тоганова, открыто вмешивается во внутренние дела кабардинского общества. Вооруженные выступления кабардинских князей, а также их попытки через свои депутатии в Петербург решить вопросы о срыва Моздока, возвращении беглых подвластных, упразднении приставства закончились безрезультатно.

В результате Кючук-Кайнарджийского договора между Россией и Османской Турцией в 1774 году Кабарда была объявлена составной частью России. Как и в период Белградского договора, в данном случае Россия и Турция, определяя сферы своего влияния, делили не принадлежавшие им территории и подчиняли суверенные народы.

Отмеченный договор одновременно должен был укрепить русское влияние среди тех горских народов, которые были связаны вассально-подданническими отношениями с Кабардой, – горских обществ Балкарии, Осетии, Карабая, Ингушетии. С укреплением русских позиций в Кабарде перечисленные народы надеялись освободиться от политической и экономической зависимости со стороны кабардинских феодалов. Царское правительство поощряло эти настроения и использовало их для подрыва монополии кабардинских князей. Но оно не вмешивалось и не препятствовало, когда правители Кабарды взимали подати с соседних горских народов, не присягнувших еще на верность России.

Кючук-Кайнарджийский договор окончательно развязал руки царизму в отношении Центрального Предкавказья. Теперь Россия предпринимает практические шаги к тому, чтобы Кабарда считалась ее составной частью не только де-юре, но и де-факто. С 1777 года ведется расширенное строительство новых кордонных линий и крепостей между Моздоком и Азовом – Екатериноградская (1777), Георгиевская (1777), Солдатская (1779), Владикавказская (1784) и др. Помимо своего прямого назначения, эта цепь укреплений должна была отделить Кабарду от Чечни и тем затруднить их непосредственное влияние друг на друга. Еще при назначении генерала Медема в 1769 году на Кавказ ему была дана инструкция «остерегаться больше всего объединения горцев и воожигать между ними огонь внутреннего несогласия».

Аннексия все новых и новых кабардинских земель привела к тому, что на следующий год, т. е. в 1778 году, кабардинские князья начинают военные действия против русских войск для уничтожения военных укреплений Марынского, Павловского, Георгиевского и Ставропольского. На начавшуюся антиколониальную борьбу царизм отвечал жестокими карательными экспедициями и контрибуциями. Так, после отмеченных событий генерал Якоби заставил кабардинцев выплатить 10 тыс. рублей, выдать более 2 тыс. лошадей, около 5 тыс. голов крупного рогатого скота и свыше 4,5 тыс. овец. Это был военный грабеж населения. От таких поборов страдал весь кабардинский народ, и в особенности трудовые массы.

Царская администрация для достижения своих колониальных целей часто провоцировала народ. Ярыми проводниками такой политики в Кабарде были генералы

Медем, Потапов, Якоби и др., которые прославились жестокостью и вероломством. Чтобы не допустить независимого существования Кабарды и иметь повод для вмешательства в ее внутренние дела, они специально натравливали группировки господствующей знати друг на друга, а также пользовались социальным антагонизмом кабардинского общества. Чтобы держать феодальную знать в повиновении и зависимости, царизм заигрывал с феодально-зависимым населением. Последним было дозволено в случае притеснений со стороны владельцев переселяться на Кавказскую линию. На самом же деле царизму было глубоко безразлично положение простого народа, который, в конечном итоге, оставлялся им на произвол своих угнетателей. Особенно широко пользовался такой политикой генерал П. С. Потемкин, назначенный в 1782 году командующим войсками на Северном Кавказе. Он считал, что «не худо держать» кабардинских владельцев и «подлый народ» «в некоторой друг ко другу зависти».

Военно-административная система, которую устанавливали царизм в Кабарде, вызывала протест со стороны народа. Русские военные власти, приставы и др. чиновники не учитывали сложной обстановки в крае. Они подозрительно относились к местному населению, допускали по отношению к нему грубый произвол и не считались с обычаями и образом жизни, которые складывались здесь веками. Для проезда через укрепленные сооружения Кавказской линии кабардинцам каждый раз необходимо было получать специальные пропуска или «билеты» у представителей царской администрации. Хозяйственная деятельность кабардинского общества нарушалась не только в результате сокращения пастбищных и пахотных земель, на которых возводились крепости и казачьи станицы. Но ощущалась и экономическая блокада, которой часто пользовался царизм в своей колониальной политике. Следствием ее становилось лишение жителей Кабарды доступа к соляным озерам по реке Куме и за Тереком. Если учитывать, что скотоводство было основным видом хозяйственной деятельности горцев, потребность в ней была значительной. Такие ограничения, а также регулярные военные экспедиции осложняли развитие экономики края. Описанная объективная реальность повседневной жизни часто толкала кабардинцев к нападениям на укрепления Кавказской

линии. Официально-охранительная историография дооктябрьского периода в лице апологетов колониальной политики царизма (В. Потто, Н. Дубровин, А. Зайончковский, Ад. Берже, Р. Фадеев и др.) изображала борьбу кабардинцев как «хищничество» и «разбой». А в публикациях отдельных авторов того времени освободительная борьба характеризуется как «экспансионистское» движение «отсталых слоев населения» по отношению к России.

В описываемое время Османская Турция не упускала ни одного случая, чтобы в периоды обострения кабардино-русских взаимоотношений не засыпать в Кабарду своих агентов для антирусской пропаганды, а также использовать для своих целей и местное духовенство.

Мусульманская религия, которая окончательно утвердилась в Кабарде во второй половине XVIII века, становилась не только учением, обосновывающим феодальные порядки общества, но и идеологическим знаменем в антиколониальной борьбе горцев. Таковым было антиколониальное движение в Чечне под руководством шейха Мансура в конце XVIII века, в котором принимала участие определенная часть кабардинцев.

С 90-х годов XVIII века царизм вводит на территории Кабарды российскую административно-судебную систему управления, следствием которой явился военно-оккупационный режим. С этого периода ликвидация фактической независимости Кабарды, сопровождавшаяся ломкой традиционной экономической и социально-политической структуры и многовекового уклада жизни, вступила в решающую fazu. Даже в такой обстановке царизм был вынужден, как это видно из указа Павла I от 28 мая 1800 года, признать, что кабардинцы и другие горцы «находятся более в вассальной зависимости, чем в подданстве».

В 1793 году в Кабарде были учреждены так называемые «родовые суды» и «расправы», которые непосредственно подчинялись моздокскому коменданту. Фактически, это была реформа судопроизводства, укреплявшая колониальный режим и нарушавшая традиционный порядок кабардинского общества. Основу своих судебных преобразований власти стремились построить на нормах обычного права, т. е. на древнем народном судопроизводстве. Оно, по их мнению, как наиболее близкое и понятное трудовым массам, должно было ослабить власть и влияние феодально-клерикальной знати, враждебной

России. Царизм сираведливо остерегался шариата, ибо видел в нем ту реальную силу, которая могла способствовать объединению и сплочению всех слоев кабардинского общества в освободительной борьбе. «В то время как туземные приверженцы шариата стремились к полной отмене действий адатов, — писал Ф. И. Леонович, — русское управление во многих случаях становилось на сторону адата в борьбе с шариатом, прежде всего старалось ослабить действие шариата, а с ним парализовать и силу мусульманского духовенства, всегда представлявшего один из главных тормозов в деле умиротворения края».

В 1794 году в Кабарде началось крупное восстание, в котором принимали участие все слои кабардинского общества: феодальная знать, представители духовенства, феодально-зависимое население. Восстание возглавлялось Измаилом и Адильгиреем Атажукиными, Атажуко Хамурзином из рода Кайтукиных и др. князьями. Как свидетельствуют источники, в схватках с царскими войсками участвовало до нескольких тысяч человек. Оно было жестоко подавлено, и его руководители отправлены в ссылку.

На первом этапе, т. е. в 1778 – 1790 годах, антиколониальная борьба возглавлялась в Кабарде в основном представителями светской феодальной знати. На втором этапе, после бегства Адильгирея Атажукина из ссылки и появления его в Кабарде в 1799 году, здесь разворачивается мощное освободительное движение под религиозными лозунгами. Вокруг Адильгирея Атажукина начинают группироваться представители мусульманского духовенства во главе с эфендием Исхаком Абуковым. С их именами связано особое направление в освободительной борьбе кабардинцев в конце XVIII – начале XIX века – это шариатское движение. Адильгирей Атажукин и его сторонники достигли определенных успехов по объединению всех общественных слоев кабардинского общества, а также превращению отдельных разрозненных выступлений кабардинцев (в некоторых случаях в союзе с абазинами, бесленеевцами и карачаевцами) против царизма в массовое движение. Особый интерес представляет привлечение Адильгиреем Атажукиным на свою сторону широких слоев среднего и мелкопоместного дворянства, среди которых большой популярностью пользовалась идея социального равенства.

В рапорте генерал-лейтенанта Кнорринга сообщалось

о том, что «сторонники Адильгирея Атажукина присягнули на Коране поступать единодушно в сем новом начинании, на тот конец, дабы потом способнее приступить ко введению равенства между владельцами и узденями, разглашая: «Почему де нам онаго между собою не иметь, когда оное существует во Франции, что многие узенья, обольщаясь сими видами, обещавшими им мнимые выгоды, отходят от своих благонамеренных владельцев и со злоумышленниками соединяются». Это направление освободительного движения последовательно боролось за учреждение в Кабарде духовного суда вместо родовых судов.

Шариатское движение 1799–1807 годов под их руководством подготовило необходимые условия для введения в Кабарде духовного суда – межкеме. Ранняя смерть лидеров кабардинского шариатского движения в 1807 году, значительное сокращение численности кабардинского общества в этот период и ослабление вследствие этого национально-освободительной борьбы помешали созданию здесь теократического режима в форме имамата, как позже на Восточном Кавказе или Западной Черкесии. Мусульманские лозунги кабардинского шариатского движения, сплачивая в войне против военно-оккупационного режима, не привели к призывам борьбы со своей феодальной знатью или же со своими единоверцами-мусульманами, покорившимися царской власти, как это было в Дагестане и Чечне при имаме Шамиле.

К началу XIX века вся горная полоса Северного Кавказа, простиравшаяся к югу от линии Кубань – Терек, фактически еще не находилась под контролем русской военной администрации.

В 1803 году царизм начал строительство Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в Пятигорье. По времени это совпало с очередными выборами в родовые суды и расправы. Это послужило поводом для очередного крупного восстания в Кабарде, основным требованием которого являлось уничтожение Кисловодской крепости и ликвидация кордонной линии. Восстание охватило почти все населенные пункты Кабарды. Командующий войсками на Кавказе князь Цицианов в своей прокламации к восставшим писал: «Кровь во мне кипит, как в котле, и члены все во мне трясутся от жадности напоить земли ваши кровью... Ждите, говорю вам, по моему правилу штыков, ядер и пролития вашей крови

реками. Не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная». Несмотря на такие угрозы, восстание разрасталось. В это же время восстание в Тагаурии прервало единственную коммуникацию, связывавшую Грузию с Россией. Генерал Глазенап с трудом подавил восстание в Кабарде, разорив полностью свыше 80 населенных пунктов и принудив многих кабардинцев переселиться за Кубань.

В Кабарде и других горских землях продолжалось строительство укреплений, сопровождавшееся уничтожением населенных пунктов местных жителей и вырубкой лесов. Для удержания кабардинцев в покорности главные военные укрепления царизма располагались вблизи аулов, причем линией передовых военных укреплений занимались плодородные равнины. Эти меры должны были поставить порабощаемое население в полнейшую зависимость от представителей царской администрации и «не дозволять непокорным собирать хлеб и пасти свои стада».

Борьба против колониальной политики царизма продолжалась в Кабарде в 1809–1810-х годах. Возглавлявшие ее кабардинские феодалы намеревались переселить подвластное им население из прилегавшей к Кавказской линии равнины в горные ущелья. Феодально-зависимое население отказалось следовать за владельцами, чем сразу же воспользовалась царская администрация, чтобы лишить князей и дворян возможности продолжить сопротивление. Перспектива потери своих подданных встревожила кабардинских феодалов, и они начали срочно формировать депутатию в Петербург с просьбой сохранить их политические и экономические привилегии. Как и в предыдущий период (т. е. во второй половине – XVIII века), царская администрация довольно умело воспользовалась внутренними социальными противоречиями кабардинского общества и для дальнейшего раскола общекабардинского движения. Результатом такой политики в очередной раз явился спад антиколониальных выступлений. Несмотря на это, в апреле 1810 года в Кабарду была отправлена карательная экспедиция во главе с генералом Булгаковым. Ожесточенные сражения произошли в верховьях рек Баксана, Шалушки, Чегема и Нальчика. В конце апреля карательный отряд Булгакова соединился с отрядом генерала Дельпоццо, спешно прибывшим из Екатеринограда. Итогом карательной

экспедиции было сожжение 200 населенных пунктов. В своем донесении генерал Булгаков писал: «...кабардинский народ доселе никогда такой чувствительной не имел потери, и никогда еще войска не доходили туда, где ныне чинили поиски, и что они потеряли много имущества, которое сожжено с двумястами селений».

Представители кабардинского общества, обращаясь с прошением к центральным властям, сообщали, что генерал Булгаков «истребил огнем наши дома, имущество разграбил, скот отнял, людей побил, а именно: ...6150 рогатой скотины, 515 лошадей, 125 буйволов, 44015 овец, 6310 пудов медной посуды, 5895 пудов меду, 52 панциря, 180 ружей, 300 шашек, 145 сабель, 2900 серебряной монеты, на 5800 разного товару по цене серебряной монеты, 1420 ароб проса; убито Куденетовой и Танбиевой фамилии узденей и прочти 31 человек, позжено домов – 9585, панцирных щитаков – 31, мечетей – 111, хуторов – 1000, в плен взято 41 душа, сверх того много захвачено нарукавников панцирных и разного имущества...». Даже официальные власти были вынуждены указать командующему войсками генералу Тормасову, что генерал Булгаков «употреблением непомерных жестокостей и бесчеловечия превзошел границы своей обязанности». «Если верить известиям, – писал военный министр Барклай де Толли, – то экспедиции против кабардинцев и закубанцев состояли в совершенном разграблении и сожжении их жилищ: жестокие сии действия, доводя тех народов до отчаяния, возвуждали только к нам ненависти их, и вообще обращение его со соседственными сими народами более служит к отвращению их от нас, нежели к установлению в том краю спокойствия».

Экспедиции Булгакова в 1810 году, различные карательные ограничения кавказской администрации, липавшие кабардинцев доступа к соляным озерам, вызвали массовый падеж скота, что усугубило и без того свирепствовавшую в крае эпидемию. Генерал Савельев в своем рапорте (ноябрь 1810 года) отмечал, что «кабардинцы лошадей своих и баранов беспрестанно пригоняют на земли чеченские и продают за бесценок. Говорят, что лучшую кобылу можно достать за 10 руб., а барана менее 1 руб.; это они делают для спасения от гибели их достояния, когда им отказано начисто в перегонах скота на здешнюю сторону», т. е. на их пастбищные равнинные земли.

С 1816 года в истории завоевания царизмом северокавказских народов наступает эпоха, связанная с именем генерала А. Ермолова. В завоевательные планы ермоловского командования входило прежде всего насилиственное покорение горцев, причем сам Ермолов неоднократно указывал, что это «должно производиться постепенно, но настоятельно, занимая лишь то, что удержать за собою можно, и не распространяясь иначе, как став твердою ногой и обеспечив занятое пространство от покушений неприязненных». О стратегии и тактике этой политики четкое представление дает план, изложенный генерал-лейтенантом А. Вельяминовым командиру Кавказского корпуса барону Розену (20 мая 1833 года):

«1. Главное и надежнейшее средство к прочному овладению горами и к покорению обитающих в оных народов состоит в занятии укреплениями важнейших в топографических отношениях мест.

2. Средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселении оных казачьими станицами.

3. Истребление полей их в продолжении пяти лет сряду даст возможность обезоружить их и тем облегчить все дальнейшие действия.

4. Полезнее всего, по моему мнению, начать с истребления полей. Овладев плоскостями, поселить на оных казачьи станицы. Наконец, по поселении станиц устроить в приличных местах укрепления».

В 1821–1822 годах левое крыло Кавказской линии было продвинуто в глубь кабардинской земли до самого подножия гор и новые укрепления по рекам Малке, Баксан, Чегем, Нальчик, Черек и Урух заперли выходы на равнину из горных ущелий. Тем самым кабардинцы окончательно лишились равнинных земель и степных пастбищ. В своем докладе о Кабардинской линии А. П. Ермолов сообщал начальнику главного штаба от 28 июля 1822 года, что она «должна окружить собою кабардинскую землю, малое кое население, оградил я несколько теснейшими противу прежнего пределами и между реками Малкою и Кубанью оставил пространство, которое впоследствии должно было занять русскими селениями или преимущественно линейными казаками».

Наряду с дальнейшим завоеванием кабардинских земель А. П. Ермолов продолжил политику своих предшественников по внедрению в общественную жизнь ка-

бардинского общества русского административно-судебного управления. Им был создан «Временный кабардинский суд», из компетенции которого было изъято рассмотрение уголовных дел. Духовные власти не имели права по законоположению вмешиваться в решение гражданских дел. По шариату рассматривались лишь дела, касающиеся семейно-бытовых вопросов. Одновременно Временный кабардинский суд имел и административные функции. Действуя под непосредственным контролем русских военных властей, суд в их руках стал фактически важнейшим исполнительным органом внутреннего управления. Таким образом, проведенная Ермоловым реформа судоустройства окончательно ограничивала политические и экономические права различных общественных слоев в Кабарде. Например, с дальнейшим распространением российского административно-судебного управления должны были последовать изменения в области земельно-правовых отношений, что приводило к ограничению земельной собственности и иммунитетных привилегий кабардинских феодалов. Мусульманское духовенство либо вообще должно было отстраниться от власти, либо поступить под полный контроль царских военных властей.

В 1822 году в связи со строительством названной выше укрепленной линии и выселением многих кабардинских аулов, расположенных между Малкою и Кубанью, началось мощное антиколониальное движение в Кабарде, возглавляемое феодальной знатью и мусульманским духовенством. Был организован ряд крупных нападений на военную линию, в результате которых были уничтожены в 1823 году станица Круглолесская, в 1825 году – Солдатская. Ермолов предпринял карательные походы в Кабарду, уничтожая большое количество населенных пунктов. Вместе с тем в порядке репрессий против отложившихся от России феодалов он объявил, что все подвластные им крестьяне могут считать себя свободными от всяких повинностей и распоряжаться землей по своему усмотрению. По мнению Т. Х. Кумыкова, царизм в данном случае «бил по самому уязвимому месту феодалов, постоянно просивших представителей царской администрации возвратить их беглых крестьян».

Ермолов понимал, что участвующие в антиколониальном движении общественные слои кабардинского общества, имея общие политические устремления, преследова-

ли в своей борьбе различные социальные цели. Играя на их внутренних противоречиях, он рассчитывал ослабить сопротивление повстанцев и внести разложение в их ряды. Вышеназванная ермоловская декларация об освобождении кабардинских крестьян являлась лишь тактическим маневром. Об этом свидетельствует его прокламация к мятежным кабардинским феодалам, в которой он выражал готовность восстановить их «прежние права над подвластными» в случае прекращения ими борьбы против царизма. Отдельные крестьяне, принадлежавшие мятежным феодалам, воспользовались ермоловской декларацией и выселились с гор, получив от русской администрации земельные наделы. Таким образом, возле крепости Нальчик возник новый населенный пункт – Вольный Аул, в котором насчитывалось 200 дворов. Аналогичные методы использовались генералом Эммануэлем в Западной Черкесии в 1828 году.

Зато не желавшие примириться с русским царизмом кабардинские князья ушли за Кубань и поселились в ущельях Зеленчука и Урупа. Впоследствии они были известны под именем «беглых» кабардинцев. Возглавляемые князьями Джембулатом Айтековым и Измаилом Касаевым военные отряды продолжали военные действия в 1825 году в районе верхнего течения Кубани – Баталпашинской, Беломечетской, Невинномысской и др.

Итогом рассмотренных событий явилось реальное присоединение Кабарды к России путем ее вооруженного завоевания в конце первой четверти XIX века.

Царское правительство хорошо сознавало и во второй половине XVIII века и первой половине XIX столетия важное стратегическое и политическое значение Кабарды в ходе освободительного движения горцев. «Хотя теперешняя Кабарда, – отмечала военная администрация в своих донесениях 1841 года, – не так сильна, чтобы могла быть опасна собственными силами, но связями родственными с князьями и дворянами других кавказских племен, уважением к их происхождению и гордым характером кабардинцы и до сего времени удержали еще значительное влияние на других горцев, каким пользовались во времена своего могущества. И потому-то сохранение спокойствия в Кабарде весьма важно в настоящую эпоху для Кавказа, тем более, что малейшая ошибка местного начальства, управляющего Кабардой, может произвести открытое восстание и сделать опасную Военно-Грузинскую дорогу».

Последний этап участия Кабарды в освободительном движении северокавказских народов против царизма относится к 40-м годам XIX века.

В апреле 1846 года с войском 20 тыс. человек и 8 пушками имам Дагестана и Чечни Шамиль предпринял поход в направлении Кабарды с целью перерезать Военно-Грузинскую дорогу, соединиться с закубанскими адыгами и тем самым расширить фронт освободительной борьбы на Северном Кавказе. Русская военная администрация стянула к центру Кавказской линии крупные военные формирования. Боясь быть отрезанным, Шамиль, не дожидаясь ополчения от западных адыгов, отступил в Чечню. Вместе с ним ушло большое количество кабардинских крестьян, 37 князей и дворян, из которых Магомет-Мирза Аизоров был назначен Шамилем наибом Малой Чечни. Царизм был обеспокоен участием кабардинцев в освободительной борьбе на Восточном Кавказе. Об этом свидетельствует создание в 1847 году специальной военно-судебной комиссии, применявшей самые строгие репрессивные меры против кабардинцев, поддерживавших борьбу под руководством имама Шамиля.

Таким образом, освободительная борьба Кабарды против царизма в конце XVIII – первой половине XIX века имела такую же антиколониальную направленность, как на Восточном, так и на Западном Кавказе. Основными ее причинами являлись завоевания царизмом кабардинских земель, на которых возводились крепости и кордонные линии с казачьими поселениями, постоянные мобилизации местного населения на строительство военных коммуникаций и обременительные подати, вмешательство во внутреннюю жизнь кабардинского общества и насилиственное насаждение российской административно-судебной системы управления.

§ 3. Антиколониальная борьба Западной Черкесии в первой половине XIX века

Освободительная борьба адыгов Северо-Западного Кавказа в первой трети XIX века протекала в сложных условиях русско-турецкого соперничества вокруг черкесского вопроса. Хотя по международным договорам Закубанский край был признан владением Турции, народы, проживающие здесь, считали себя политически совершенно независимыми и только в силу исповедуемой

религии признавали главенство султана как верховного представителя религии.

Таким образом, зависимость закубанских адыгов от Турции была чисто номинальной. Это хорошо понимали правящие круги в Стамбуле и Петербурге. Поэтому укрепление политического влияния среди горцев как со стороны Турции, так и России во многом зависело от внешнеполитической ориентации народов Закубанья.

В результате экспедиции царских войск за Кубань только в 1807–1810 годах было разорено до 200 адыгских селений. Однако, несмотря на угрозы, адыги решительно отказались от присяги на подданство России и пожелали жить сами по себе и «быть мирными по отношению к России».

В течение 1810–1820-х годов командующий войсками в Черномории генерал Власов совершил несколько карательных экспедиций за Кубань и «опустошил многие черкесские аулы», как мирных, так и немирных горцев. В 1822 году он истребил огнем 17 больших и 119 малых адыгейских аулов со всеми их запасами, было конфисковано более 1 тыс. голов скота. Так, например 3 февраля 1824 года Власов внезапно напал на один из адыгских аулов. «Аул еще спал, когда казаки внезапно налетели на него со всех сторон и буквально не оставили в нем камня на камне. Два смежных аула подвергались той же участи. Сколько погибло при этом людей неизвестно, но улицы были завалены трупами, и казаки привели с собой 250 пленных и более тысячи голов скота». В пылавших селениях черкесы гибли целыми сотнями или от огня, или от оружия ожесточенных казаков; нередко женщины и дети, спасаясь от грозившей смерти, толпами попадали в плен... или же, предпочтя смерть плена, бросались в бурную горную реку. Таких «подвигов» со стороны царских генералов можно привести много. Однако основная масса Черкесии все еще склонялась к сближению с русскими и развитию торговых отношений с ними.

В ходе русско-турецкой войны 1821–1829 годов Турция и Россия делали все, чтобы склонить на свою сторону широкие массы адыгского крестьянства. Русско-турецкая война завершилась подписанием в 1829 году Адрианопольского мирного трактата, по которому турецкое правительство отказывалось от всяких притязаний на адыгские земли в Закубанье и признавало их «в вечном владении Российской империи». Но сами адыги не счи-

тали имеющим силу договор, заключенный без их участия. Отмечая этот факт, К. Маркс писал, что «Турция не могла уступить России то, чем не владела сама». Адыгский народ, который на протяжении столетий вел борьбу за свою свободу и независимость против турецко-крымской агрессии, не хотел признавать и колониального гнета русского царизма. «Мы и наши предки были совершенно независимыми... Султанами не владел и потому не мог нас уступить», – так отвечали адыги на требования генерала подчиниться власти Российской империи. Когда один из русских офицеров попытался объяснить адыгам, что султан уступил Черкесию царю в дар, слушавший его старик-адыг показал на вспорхнувшую в небо птичку и сказал: «Дарю тебе ее возьми, если можешь».

С 30-х годов XIX века царизм начал прямое завоевание закубанских земель. Окончание русско-турецкой войны 1828–1829 годах и заключение Андрианопольского мира дали возможность царскому правительству приступить к практическому осуществлению своих планов в отношении адыгов. Николай I, поздравляя главнокомандующего Кавказской армией фельдмаршала Паскевича с окончанием русско-турецкой войны, писал ему: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же главное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Военное командование регулярно пополняет действующую армию на Северо-Западном Кавказе. Начинается строительство разнообразной системы укреплений. Военные крепости ставятся возле ущелий на реках Белой, Лабе и Урупе с задачей «удержать горцев в совершенной заперти в сих ущельях со своими многочисленными стадами, оставив их, сверх того, без хлеба». Особое внимание было уделено строительству береговых укреплений и организации крейсирования русских военных судов вдоль берегов Черкесии. Уже в 1834 году были сооружены укрепления Абинское и Николаевское. С 1837 года на землях натухайцев, шапсугов и убыхов начинается возведение Черноморской береговой укрепленной линии. В этом же году возникают укрепления: в устье реки Пшад (Новотроицкое), в устье реки Вулан (Михайловское) и на мысе Адлер («Святого Духа»). Первые два построены отрядом генерала Вельяминова, а последние – в результате десантной операции под начальством генерала Розена. В 1838 году сооружаются укрепления: Новороссийское,

Вельяминовское (устье реки Туапсе) и Навагинское (на реке Сочи), а в 1839 г. – Лазаревское (на реке Псезуапе) и Головинское (устье реки Шахэ), а также в натухайских землях – форт Раевский; здесь же в 1842 году – Гостагаевское, а на реке Кубани – Варениковское. К 1840 году в целом строительство Черноморской береговой линии, состоящей из 17 укреплений и фортов, было завершено.

Против адыгов, не имевших ни своей армии, ни артиллерии воевала хорошо обученная, многократно пре-восходящая регулярная царская армия, доходившая в последний год войны до 250 тыс. На территории Северо-Западного Кавказа российское самодержавие столкнулось с ожесточенным и организованным сопротивлением со стороны адыгов. Для черкесов война носила оборонительный характер, велась народным ополчением, используявшим партизанские методы ведения войны.

Царские войска совершили военные экспедиции, в ходе которых полностью уничтожались адыгские поселения, посевы, запасы хлеба. Наряду с боеспособным населением в кровавых сражениях погибали женщины, дети и старики. Так, с ноября по декабрь 1833 года полностью уничтожены аул бесленеевского князя Айтека Канокова, аулы князей Сидова и Ингебокова, аул Карамурзинных в вершинах Зеленчука. Особо жестокими были действия отрядов, которыми командовал генерал Засс. С 1833-го по 1841 год под его руководством уничтожались во множестве натухайские, шапсугские, убыхские и абадзехские аулы. Сами участники военных экспедиций писали о тактике выжженной земли. Декабрист А. Бестужев отмечал, что к горцам «не с добром пожаловали: мы жгли их села, истребляли хлеба, сено и пометали золу за собой». А. Вельяминов, один из главных организаторов и исполнителей кровавой бойни в Западной Черкесии, признавал: «Мы шли, за нами возникали пожары... пылали зажженные нами аулы. Страшно было взглянуть назад». Об актах вандализма, совершаемых под руководством генерала Засса, свидетельствовал Н. Лорер: головы убитых черкесов отрубались, насаживались на коля и ставились вдоль дорог; в качестве коллекций для медицинских экспериментов они отправлялись и в другие страны.

Такие действия царских войск вызывали упорное сопротивление адыгов. Оно носило разрозненный и локальный характер. Политическая раздробленность Запад-

ной Черкесии не позволяла освободительной борьбе приять организованный характер. Достигнутые в 1840–1841 годах между убыхами, натухайцами, шапсугами и абадзехами соглашения, в особенности «дефтер» 1841 года, политической и военной консолидации приносили положительные результаты. Среди черкесских вождей и руководителей выделялись: Ашагуако (Ахеджаков) Пшикуй, Хаджи Хуз-Бек, Султан Курхум-Гирей, Хаджи Мухамед, Хауд Мансур, Гирей Шамыз, Ширук Дугуж, Дзадзу Мухамед, Дзадзу Али, Дзадзу Науруз, Бести Пшемаф, Хатуко Сельмен, Калабат Хатуко, Шорат Хамыз, Герандук, Хаджи Берзег, Хаджи Докум Берзег, Инал Аслан-Гирей Индар Ногай, Аурдазау Зепш и др. Выдающимся военным предводителем являлся Шеретлук Тугужуко Кизбеч, которого прозвали «Львом Черкесии». Большим мастерством отличались его операции по тылам царских войск. Особую славу принесла ему битва 1834 года, в которой он во главе 700 всадников разбил многотысячный царский отряд. Знаменитому кавалерийскому военачальнику в это время было уже 60 лет. Ашагуако (Ахеджаков) Пшикуй, под командованием которого было около 6 тыс. всадников, в районе Екатеринодара несколько раз наносил поражение генералу Вельяминову. Особое место в освободительной борьбе Западной Черкесии занимала деятельность князя Сефербея Зана.

В феврале – марте 1840 года черкесы штурмом взяли укрепления: Лазаревское, Головинское, Вельяминовское и Михайловское на Черноморском побережье. В этих сражениях самое активное участие принимали убыхи под предводительством Хаджи Берзека.

В ответ на это весной 1840 года в земли адыгов организуется карательная экспедиция, уничтожившая 13 шапсугских сел в долине реки Псеузапе. Ценой огромных потерь в ходе ряда десантных операций царские войска к лету 1840 года вновь заняли потерянные укрепления.

В апреле 1841 года 15-тысячное черкесское войско при семи орудиях большого калибра 6 дней держали в блокаде укрепление Тенгинское, и отступили после того, как царское командование стянуло сюда подкрепление. Серьезный урон царским войскам нанесли горцы в районе Сочи (ноябрь 1841 года), где русские потеряли до 600 человек убитыми и 3 тыс. ранеными. «Конечно, – писал в донесении Л. М. Серебряков, – и со стороны неприятеля не без потерь, но не может сравниться с нашей, потому

что горцы всегда ведут перестрелку врасыпную и имеют возможность бить наших в густой колонне, идущей у самого берега».

В освободительном движении закубанских адыгов активное участие принимали и многие русские солдаты, бежавшие на Кубань от жесткости и произвола царских военачальников. Немало среди них было и польских солдат, сосланных на Кавказ в войске отдельного Кавказского корпуса за участие в восстании 1831 года в Царстве Польском.

Большое влияние на освободительную борьбу адыгских народов оказало движение горцев Дагестана и Чечни, проходящее под религиозным знаменем мюридизма. Это движение приобретает широкое развитие при имаме Шамиле.

Начало распространения мюридизма среди закубанских адыгов связано с деятельностью первого посланца Шамиля – наиба Хаджи-Мухамеда, появившегося в Закубанье в 1842 году.

Вскоре после смерти Хаджи-Мухамеда (1845) здесь появился новый посланец Шамиля – наиб Сулейман-Эфенди. Цель: пропаганда мюридизма, формирование ополчения из адыгов совместно с Шамилем против царских колонизаторов. Но Сулейман-Эфенди оказался предателем. Он был подкуплен царскими деньгами и заявил о своем отказе от вооруженной борьбы против России. В 1848 году Шамиль направил к закубанским адыгам своего третьего наиба – Мухамеда-Амина.

Находился он в Закубанье вполне самостоятельно, признавая власть Шамиля «только номинально».

Мухамед-Амину удалось распространить мюридизм и установить шариатский режим среди части западных адыгов. Он разделил их земли на участки (общины), во главе которых были старшины, выбранные населением. Из этих участков были образованы округа с мехкеме в каждом. Во главе управления округов были поставлены муфтии и совет из трех кадиев с правами административной и духовной власти. В распоряжении управления состояли вооруженные конные отряды так называемых мутазигов, являющиеся ядром постоянной армии адыгов для борьбы с царскими войсками. Адыги обязаны были выставлять по одному конному воину с каждого двора и по первому призыву наиба явиться на сборные пункты. Вся светская и духовная власть была сосредото-

чена в руках Мухаммед-Амина. Установив духовный суд по шариату, он ввел у адыгов наказания и казни и приводил их в исполнение с неумолимою строгостью: ослушников воли наиба, сторонников России и противников мюридизма сажали в ямы, ворам отрубали руки, лазутчиков казнили. Судебно-административный аппарат управления и отряды мутазигов содержались за счет налогов, взимаемых с населения. Однако попытки наиба объединить всех закубанских адыгов и создать государственную систему наподобие имамата Шамиля не увенчались успехом. Здесь сказалось влияние как внутренних, так и внешних причин. Как и в Кабарде в XVIII – первой четверти XIX века царские власти провоцировали в адыгских обществах антифеодальные выступления крестьян и под видом поддержки дворян осуществляли карательные экспедиции в их земли. Так было, например, в феврале 1856 года, когда бжедугские крестьяне выступили против своих феодалов, многие бжедугские аулы подверглись разорению.

После окончания Крымской войны 1853–1856 годов царское правительство бросило против кавказских горцев более чем 200-тысячную армию во главе с новым главнокомандующим Кавказской армией А. И. Барятинским. Его помощниками по разгрому освободительного движения горцев были генералы Евдокимов, Орбелиани, Милютин, Вревский, Врангель и др.

В течение 1856–1864 годов кавказские горцы упорно сопротивлялись значительно превосходящим силам царских войск. 26 августа 1859 года Шамиль был взят в плен. Мухамед-Амин вместе с 2 тыс. всадников явился в русский лагерь и сдался, ибо лишился надежды на соединение со своим имамом и на его помощь.

Но борьба с основной массой закубанских адыгов продолжалась еще долго, вплоть до 1864 года.

В последние годы войны среди адыгов усилилось стремление к объединению в целях обороны. Первые попытки создания таких политических союзов были предприняты еще в 1830–1840-х годах. В 1842–1859 годах, действовавшие на Северо-Западном Кавказе наибы Шамиля добились определенных успехов в деле политической консолидации сил западных адыгов.

13 июня 1861 года в долине реки Сочи на съезде старшин абадзехов, шапсугов и убыхов был избран совет, названный «Меджлисом вольности черкесской». В его со-

став входило 15 человек во главе с Хаджи Герендуко Берзегом. Членами меджлиса, названного «великим и свободным заседанием», стали также Карабатыр Зан, Измайл Баракай, Билил Хасан-Эфенди и др. Меджлис разделил подвластную ему территорию на 12 округов, в каждый из них были назначены мuftий, кадий и мухтар. Каждые 100 дворов должны были выставлять по 5 всадников для создания постоянного войска.

3 сентября 1861 года меджлис предпринял попытку закончить войну путем переговоров с царским правительством. На переговорах с Александром II адыги заявили, что согласны перейти в русское подданство, но при условии, что они останутся на прежних местах жительства. Царь не принял этих условий и потребовал, чтобы адыги или переселялись на отведенные царизмом земли, или уходили в Турцию. Адыги не могли согласиться на такие требования и продолжили борьбу.

В 1862 году адыгский меджлис обратился к Турции, Англии и Франции с просьбой о помощи, но их призыв остался безответным.

О том, какой бесчеловечный характер носила Русско-кавказская война на ее заключительном этапе, свидетельствуют воспоминания участника этих событий Веникова: «Война шла с неумолимою, беспощадною сурвостью. Мы продвигались вперед шаг за шагом... очищая от горцев до последнего человека, всякую землю на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями, едва лишь сходил снег, но прежде чем деревья одевались зеленью, посевы вытравливались конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшие станицы и оттуда отправлялось к берегу Черного моря и далее в Турцию. Сколько раз приходилось в опустевших при нашем приближении хижинах заставать на столе теплую кашу с воткнутую в нее ложкой, починявшуюся одежду с невыдернутую иголкой, какие-нибудь детские игрушки в том виде, как они были разложены на полу около ребенка. Таков был характер войны».

Целые племена, как, например, бесланеевцы, были выселены облавою в течение одного-двух дней. Аулы баракаевцев, абадзехов горели три дня, наполняя воздух гарью верст на тридцать, когда в феврале 1862 года начались движения наши для изгнания этих горцев... По-

нятно, что война так быстро приводила к решительным результатам».

Только в течение 12–16 марта 1863 года было уничтожено 33 аула, расположенных по течению Фарса и между этой рекой и Псевиром. Как свидетельствуют архивные источники, адыги не оставляли ни один аул без боя. По неполным данным, в период завоевания Западной Черкесии было сожжено более 1 тыс. населенных пунктов адыгских Хатыней. Генерал А. Раевский, начальник Черноморской береговой линии, будучи свидетелем этих преступлений, рассуждал: «Наши действия напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами, но я не вижу здесь ни подвигов, ни геройства... Да бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа, подобно тому, какой оставили эти завоеватели в истории Испании!».

21 мая 1864 года считается днем окончания Кавказской войны. Однако полупартизанская борьба здесь продолжалась еще и в 1865 году. В одном из источников говорится, что «Кавказская война, очищая зеленый край от враждебных горцев, наряжала отдельные команды, чтобы разыскать скрывавшихся в малодоступных дебрях и трущобах туземцев, не хотевших расставаться со своей землей...».

Официальная политика российского самодержавия заключалась, по словам Р. Фадеева, в том, что «...земля закубанцев нужна была государству, в них же самих не было никакой надобности».

§ 4. Насильственное выселение адыгов и других народов Кавказа в Османскую империю

В сложных условиях конца Кавказской войны началось выселение горцев со своей Родины в чужую страну – Турцию, что явилось итогом продолжавшейся более 100 лет военно-колонизаторской политики царского правительства. Пленение Шамиля в августе 1859 года и усиление военных действий против адыгов является началом их массового выселения.

Выселение горцев в Турцию имеет свои особенности и этапы. На первом этапе адыги переселялись в Турцию небольшими группами. Царская военно-административная власть, окончательно установленная к середине XIX века, приступила к проведению ряда реформ, вызвавших протест со стороны местной верхушки.

Учитывая это обстоятельство, царская администрация стала провоцировать выселение горцев.

В 1861 году для отъезда в Турцию записалось 442 кабардинских семейства. Начальник Кабардинского округа, известный грузинский поэт В. В. Орбелиани — обеспокоенный этим обстоятельством, обратился к командующему войсками Терской области генералу Евдокимову с вопросом, что делать — ведь за ними может последовать «вся Кабарда». Отвечая на него, граф Евдокимов писал: «Не жалейте об уходе 442 семейств, но если бы их ушло и вдвое больше, так от этого ущербу для края не будет... что касается до угрозы, будто уйдет все народонаселение, то если бы это и совершилось, оно... принесло бы большую пользу: мы бы освободились от к нам недоброжелательного народа».

В. В. Орбелиани вынужден был считаться с откровенно шовинистическими взглядами своего начальника. В результате в 1859–1861 годах в Турцию было выселено из Большой Кабарды более 10 тыс. человек. Начальник Терской области Лорис-Меликов через своих генералов организовал в 1865 году выселение в Турцию более 22 тыс. чеченцев.

Эту провокацию он осуществил, разъединяя Чечню и Дагестан казачьей линией по предгорной полосе от Владикавказа до Кумыкской плоскости. По этому поводу великий князь писал Лорис-Меликову: «...желаю полного успеха, чем дальше, тем лучше».

Вместе с чеченцами было выселено около 3 тыс. кабардинцев и 45 осетинских семейств.

Выселение адыгов Северо-Западного Кавказа происходило в два этапа: первый — в 1859–1862 годах, а второй — в 1863–1864 годах.

В 1860 году была разработана политика, в соответствии с которой было решено прекратить «бесполезные экспедиции» в горы и приступить к систематическому заселению этих земель казачьими станицами. Эта политика предусматривала насильственное выселение адыгов в Турцию. Согласно проекту Евдокимова, первоначально предполагалось выселить 100–150 тыс. человек. «Это необходимо, — писал Евдокимов, — чтобы ускорить «окончательное покорение Кавказа» с наименьшими издержками».

Чтобы ускорить выселение адыгов, 10 мая 1863 года была создана специальная комиссия. Она выдавала по-

терявшим все свое имущество изгнаникам денежные пособия (от 1 до нескольких руб.) на семью, вела переговоры с русским обществом пароходства и торговли, а также с владельцами транспортных судов о перевозке адыгов. Одновременно Евдокимов приказа~~л~~л войскам ускорить продвижение в горы с тем, чтобы заставить адыгов ~~поторопиться с выездом~~.

Постепенно дело стало доходить до ультимативных требований.

Так, 16 августа 1863 года Евдокимов предписывал начальнику Адагумского отряда «... немедленно переселить натухайцев на указанный участок на плоскости, если они откажутся, предложить теперь же немедленно идти в Турцию, назначив для сего двухнедельный срок».

Подобные обращения подкреплялись действиями воинских частей с целью принудить адыгов к выселению в Турцию.

Выход из гор и поселение на кубанские болотистые земли означало примирение с царской волей, которая должна была сопровождаться «предварительным обезоружением».

Евдокимов, прекрасно зная, что не в натуре адыгов добровольная сдача оружия, поставил перед ними это условие, чтобы заставить их вскоре убраться в чужую страну. Но адыги не хотели оставлять родную землю.

Об этом свидетельствует тот факт, что после официального объявления об окончании войны, колониальные власти жаловались, что им приходится разыскивать скрывавшихся в мало доступных дебрях и трущобах туземцев, не хотевших расставаться со своей землей. Было немало случаев, когда адыги большими группами на берегу моря принимали смерть... чтобы останки хоть остались дома... Так что ссылки на религиозность адыгов или добровольный их уход являются несостоительными.

Европейские державы и Турецкая империя, заинтересованные в кавказской проблеме, всячески пытались противопоставить адыгов действиям русского императора по покорению Черкесии. Тем временем сжималось кольцо окружения, расширялись зоны военно-казачьей колонизации. С 1861-го по 1865 год была образована 81 станица.

Царские военные отряды прорубали просеки в лесах, строили дороги, окружали адыгов, разрушали их аулы и вынуждали жителей оставлять свои земли. Евдокимов выполнил ревностно установку своего правительства.

В 1863 году наместник Кавказа докладывал императору: «Можно с уверенностью сказать, что в течение зимы (1863–1864) все покоренное нами население, остающееся на Северном склоне хребта, будет изгнано оттуда и весь этот край будет очищен».

В рескрипте наместника Кавказа М. Н. Романова на имя военного министра от 26 марта 1864 года говорилось: «Вопрос о времени окончания войны при настоящих обстоятельствах сводится к тому, во сколько времени успеем мы отправить в Турцию враждебное население».

В результате принятых экстраординарных мер в крае к маю 1864 года практически не осталось адыгского населения.

21 мая 1864 года был объявлен днем окончания Кавказской войны. Царизм широко и торжественно отпраздновал свою победу над адыгами. 21 мая 1864 года, т. е. в день окончания Кавказской войны, когда царские генералы рукоплескали в верховьях реки Мzymты по поводу своей победы над адыгами, из Анапского порта со слезами на глазах отплыли от берега 20 тыс. натухайцев. Половина из них погибла в море. Этот день считается днем завершения массового выселения адыгов.

27 июля 1864 года наместник Кавказа, великий князь Михаил, своим приказом объявил рескрипт Александра II об окончании Кавказской кровавой борьбы, начатой 100 лет назад. Была учреждена медаль «За покорение Западного Кавказа».

Неимоверные трудности, связанные с вынужденной эмиграцией, начались сразу же, и еще на своей собственной территории. Скопление людей с каждым днем нарастало, началась эпидемия.

Царские колонизаторы делали все для того, чтобы переселение протекало как можно быстрее.

Русские и турецкие судовладельцы на несчастьях адыгов строили свое благополучие. На судно, рассчитанное на 50–60 человек, иногда сажали 200–300. В море оно терпело аварию, и безвинные люди погибали. В течение осени 1863-го и 1864 года было выседено более 418 тыс. человек. Всего же через восточные порты Черного моря с 1815-го по 1865 год было отправлено около 500 тыс. западных адыгов. Кабардинцев в XIX веке было выселено около 60 тыс. человек. Указанная статистика является официальной, и ее приводят представители русской во-

енной администрации, которые вели учет выселяемых Царские власти сами признавали, что определить точную численность переселенцев трудно, тем более, что во время выселения «горцы подвергались значительной смертности от повальных болезней, неразлучных с войной и лишениями».

Специалисты считают приведенные цифры явно заниженными, т. к. сюда не попала огромная масса изгнанников, которая тронулась в путь на контрабандных судах или ушла по сухопутным дорогам. Известно, что эту часть изгнанников никто не фиксировал. Сопоставительное изучение количества адыгского народа населения до Кавказской войны и количества оставшихся на своей земле после окончания войны позволяет говорить о выселении свыше 1 млн адыгов, абхазов и абазин.

Страдания, которые терпели горцы, не поддаются описанию. Они массами гибли от холода, голода, эпидемических болезней. По сведениям разных источников огромная часть изгнанников погибла в пути. «С начала выселения, — писал русский консул Мошинин в своем донесении от 10 июня 1864 года, — в Трапезунде и окрестностях перебывало до 247 тыс. душ; умерло 19 тыс. Теперь осталось 63 190 человек. Средняя смертность — 180—250 человек в день... Свирипствует сильный тиф... Смертность достигла таких ужасающих размеров, что к концу 1864 года в одном только Самсуне было 50 тыс. черкесских трупов рядом с 60 тыс. живых переселенцев». Такую же бедственную картину описывает немецкий историк Ф. Каницц: «В Ларнак, на острове Кипр, вошли три маленьких судна, заключавшие в себя 2100 черкесов, из которых дорогой умерло менее от заразительной болезни, чем от жажды и голода в продолжение 32-дневного переезда 1300 человек. Народонаселение Ларнака и тамошний французский консул восстали энергично против высадки на берег полумертвых людей, зараженных тифом или оспой».

На родине осталось всего лишь 100 тыс. адыгов, т. е. $\frac{1}{10}$ части всего адыгского населения.

Вот что рассказывает нам академик Ад. Берже, которому пришлось быть очевидцем переселенческого движения в 1864 году: «... никогда не забуду того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17 тыс. человек. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и сви-

репствовавшие между ними эпидемии тифа и оспы делали положение их отчаянным. И, действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубицах, лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся с жизнью, в то время, как другой искал утление голода у груди уже окоченевшего трупа матери. А подобных сцен встречалось немало».

Один из пропагандистов военной политики царизма И. Дроздов вспоминал: «Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество».

Десятки тысяч адыгов покоятся на дне Черного моря. Оставшиеся в живых пережили на чужбине огромные трудности, вынужденные расселяться кто как мог по странам Ближнего Востока и других стран.

Тяжелое положение, в котором оказались черкесы, убедило их в том, что они должны вернуться на родину.

В 1872 году 8500 семейств черкесов подали прошение о возвращении на родину. Однако император Александр II наложил на нем резолюцию: «О возвращении и речи быть не может». Это был геноцид со стороны царизма, который не имеет аналогов в отечественной истории.

Султанское правительство относилось весьма благосклонно к переселению кавказских горцев в Турцию, поскольку видело в нем возможность увеличения мусульманского населения в среде христианских народов Османской империи. «Черкесы, — писал русский консул Мошинин, — были расселены всюду, где только требовалось усилить ими мусульманский элемент населения».

* * *

Главным содержанием этого периода (конец XVIII века — середина 1860-х годов) был сложный драматический процесс взаимодействия двух социальных систем (адыгской и российской), в ходе которого первая разрушалась в той степени, которая обеспечивала ее подчинение второй, становившейся господствующей системой. Вследствие территориальной экспансии России происходит надлом региональной этносоциальной системы. С самого начала и до конца Кавказской войны политика царизма по отношению к адыгам была завоевательной, колонизаторской, сопряженной с покорением, геноцидом и изгнанием основной части этноса за пределы своей исторической ро-

дины. Положение усугублялось тем, что стадии кризиса традиционных общественных институтов адыгского социума совпали с этапами колониальной политики царизма. То есть, внутренне разложение системы дополнилось и усилилось внешним воздействием, войной и агрессией со стороны более сильного государства, что поставило на грань исчезновения адыгский этнос.

В конечном итоге, в период с конца XVIII – по 1860-е годы стадиальный разрыв социополитических и международных систем, к которым принадлежали Россия и адыгская этнополитическая общность сделал невозможным их «взаимопонимание» и сотрудничество. Целью России стал военно-политический контроль над Северным Кавказом как geopolитическим ареалом. Борьба же адыгского социума была ориентирована не на достижение «внешних» целей, а на сохранение своей социоцивилизационной «экосистемы», на защиту суверенитета своей традиционной культуры, на выживание.

Для адыгов Кавказская война стала национальной катастрофой. Война унесла сотни тысяч жизней, разрушила почти всю материальную и духовную культуру адыгского этноса, затормозило их дальнейшее социально-политическое развитие. Девять десятых из оставшихся в живых были изгнаны со своей исторической родины.

По приблизительным подсчетам, в настоящее время за пределами нашей страны проживает более 5 млн чеченцев, в том числе в Турции – 4,5 млн, в Сирии – порядка 80 тыс., в Иордании – 50 тыс., в Египте – 5 тыс., в США – 6 тыс., в Ливии – 7 тыс., в Югославии – 2 тыс., в Израиле – около 3 тыс., в Германии – 20 тыс.

Наши соотечественники живут в Австралии, в Японии, на Мадагаскаре, в Судане, Канаде, во Франции – всего в 40 странах.

Так, в результате политики царского самодержавия адыгские народы оказались разбросаны по всему свету. Об этом должны знать все, кто живет на земле адыгов и с пониманием относится к их истории и культуре. Именно в этом заключается залог мира и стабильности в нашем регионе.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ДОКУМЕНТАХ И В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕНИКОВ

№ 1

Отношение Тормасова военному министру

Милостивый государь мой, Михайло Богданович!

... при самом вступлении моем в командование здешним краем, я всегда был противного мнения относительно темы, около полу века тщательно поддерживаемой командовавшими на линии, чтобы сопредельных ей народов держать не только в повиновении, но и в жестоком порабощении, ежегодно употребляя против них силу оружия, — под тем предлогом, чтобы гордый дух их не возымелся, не счел нас слабыми. Есть ли бы повторяема была часто и без вины, неминуемо должно ожесточить его и заглушить благородные чувствования привязанности. Разобрать теперь положение кабардинцев. Народ сей был мночислен и благороден в образе своих мыслей. Блаженной и вечной памяти достойный всероссийский государь император Петр Первый находил сей могущественный народ себе покорным до того, что они были лучшего его опорою, когда он поднял оружие против Дербента и других частей Дагестана. Поддержав также добре расположение кабардинцев к России, коей они тогда признали зависимость над собою, нельзя ли было впоследствии чрез краткие об нем благопречения сделать его еще более к нам приязненным.

Предположено устроить Кавказскую линию. Это было весьма мудрое предназначение. Народ сильный, хотя в зависимости России состоящий, но не бывший в прямом подданстве, требовал сей благоразумной осторожности. Правда, все горские народы должны были на сие учреждение вначале смотреть неспокойным оком. Старались даже оное испровергнуть; но сил их противу могущества Российской империи было недостаточно. Они то испытали, образумились и присягнули в верности и покорности. Тогда должно было бы, приближаясь к их обычаям, природным свойствам, общему сей нации умонаучертанию и даже ко внутреннему сей земли управлению, основанному на их вере и преданиях от их предков, постановить им в закон их собственные правила, покровительствовать им благотворением, с строгою справедливостию

сопряженным привлечь навсегда к себе их сердца. Сколько пользы было бы тогда для России, есть ли бы сей воинственный и сильный народ, завлекаемый чувствованиями благодарности и попечениям о его благе, не приимчая того, и сам составил бы наконец одно тело обширной Российской империи, бывши уже при зависимости своей, так сказать, отделеною только частию общего тела, к коему он принадлежит. Вместо того расширение Линии на счет лучшего достояния принадлежавших им земель сделало их нам недоверчивыми; жестокости командовавших линией привели их в уныние, система, принятая чтобы чрез сокровенные пружины поссорить нижний класс, то есть узденей и народ, с князьями и держать их в междуусобной войне для того, чтобы сим губительным способом ослабить сей мощный народ, так чтобы он никогда не восстал, родила в них привычку к войне и сделала настоящими воинами; наконец, суетное желание некоторых из командовавших на Линии отличить себя деяниями, забыв, что благоразумное управление и привлечение сердец народов лучше блеску подъятых несправедливо военных подвигов, ввело почти в обыкновение каждый год выводить войска на Линии против кабардинцев, либо против чеченцев нередко без причины и ожесточило сердца сих народов до того, что кабардинцы хотя имеют от своей прежней могущественности едва только пятую часть и, следственно, при последнем изнеможении своем пытают однако же неодолимый дух мщения против россиян, покоряясь увлекающей их сему свойственной их характеру горячности и чувствуемой несправедливости. Сим способом поступаемо было со всеми смиренными народами с Линией с самого устроения. Итак натурально, что народы горские не могут быть искренно привязаны к России, хотя будут по слабости своей казать вид покорности, но сердечные впечатления долго будут оставаться неизгладимыми.

По сей причине подавляемые кабардинцы и другие горские народы, выходя из терпения, вооружаются, потом, не находя сил своих достаточными, покоряются, дают аманатов, присягают и, скрыв на время чувствование обладающей ими ненависти, при первом случае оную обнаруживают...

То самое делают и кабардинцы, не взирая на остатки прежнего своего могущества и даже одни на последнее

опустошение, произведенное среди их язвою, которое с лихним две трети их поглотила. От чего же все сие происходит? Кажется, от того, что все дела их представляемы были милосердным монархом в изменяющихся видах и под покровом политики, которая несла за собою отличия победителям кабардинцев и других горских народов; но в существе своем, погубя сей сильный, воинственный народ и бывший некогда весьма покорный, принесла ли она пользу России?

№ 2

Из рапорта генерала от кавалерии Тормасова
его Императорскому величеству.

Июль 1810 год

По вступлении в Кабарду 14 апреля генерал от инфanterии Булгаков, производя поиски по разным горам и ущельям, по рекам Баксану, Шалухе, Чегему и Нальчику, соединился 25 апреля с отрядом генерал-майора Дельпоццо, из Екатеринограда следовавшим к Черекскому ущелью, в продолжение коего времени из оказывающих вид приверженных и из депутатов черного народа, желавшего переселиться, никто к нему не явился; все селения на плоскостях оставлены кабардинцами, и все они были с оружием. А потому положил он на мере наказать всю Кабарду силою оружия, хотя экспедицию оную позволил я единственно для того только, чтобы переселить 2 тыс. семей черного народа из Кабарды на Линию, о чем представлял генерал-майор Дельпоццо с обнадеживанием, что оные семьи тотчас передадутся, как скоро появятся войска Вашего императорского величества за кордоном; но доколе генерал от инфanterии Булгаков находился с войсками за Кубанью, кабардинские владельцы успели подвластных своих забрать со всеми семействами в горы и в укрепленные места...

...Успехи сей экспедиции сопровождаются тем, что выведена на линию 291 душа осетинцев-христиан, возвращено более 50 плених и взято разного рода скота около 20 тыс., а за выдачею войскам порции остается около 15 тыс., который имеет быть обращен на удовлетворение обывателей губернии Кавказской...

...Генерал Булгаков присоединяет, что кабардинский

народ доселе никогда такой чувствительной не имел по-
тери и никогда еще войска не доходили туда, где нын-
чили поиски, и что они, потеряв много имущества, ко-
торое сожжено с двумястами селений, не начнут неблаго-
намеренных действий противу границ Линии кавказ-
ской...

№ 3

Князь Цицианов генерал-лейтенанту Глазенапу
2 апреля № 785 гор. Георгиевск

«Его императорского величества всемилостивейшем
государя моего генерал от инфантерии Кавказской инс-
пекции по инfanterии инспектор, главноуправляющий
Грузиею, Астраханский и Кавказский военный губерна-
тор, управляющий Каспийскою флотилиею, управляющий
пограничными делами и орденов св. Александра Невского,
св. великомученика и Победоносца Георгия 3-го класса,
св. равноапостольного князя Владимира 2-й степени ка-
валер князь Цицианов.

Большой и Малой Кабарды почтенным казиями, уз-
деням, ефендиям и старейшим. Целый год прошел, что в
родовые суды новых судей не выбрано, где присяга? Дол-
го ли не истребить ветреников, или вы думаете, что я
положу на моих предместников, или вы не наслышались,
что я здесь наделал? Кого покорил и сделал данниками?
Какую крепость малейшим числом непобедима войска
российского взял штурмом? Сколько побил и сколько
положил? Но то были неприятели и противились, а вы
подданные его императорского величества, всемилости-
вейшего нашего государя, вы те, кои на верность прися-
гали пред всемогущим Богом и на Алкоране, и после
дерзаете быть преслушны. Целый год неповиновения!
Кровь во мне кипит, как в котле, и члены все во мне
трясутся от жадности напоить землю ваши кровию пре-
слушников. Я слово мое держать умею и не обещаю того,
чего могу не удержать кровию мою. Но еще раз в благо-
вейное подражание неизреченного милосердие великого
нашего всесильного и великодушного государя импера-
тора предлагаю вам: опомнитесь; по получении сего мо-
его повеления соберитесь, выберите судей по обычаяу и
будьте покорны; тогда я новое учреждение ко благу ва-

шему устрою. Буде же нет, то не уговаривания по-прежнему или переговоров ждите, ибо подданный мириться и условия делать с постановленной от государя, помазанника Божия властью, не может и не должен; ждите, говорю вам, по моему правилу, штыков, ядер и пролития вашей крови реками. Не мутная вода потечет в реках, протекающих в ваши земли, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная; две дороги показал я вам, и ваше дело выбирать лучшую и через неделю от получения сего предписания дать ответ подо мною начальствующему на Линии господину генерал-лейтенанту Глазенапу, и тогда сбудется мною сказанное или то, или другое».

№ 4

Секретно

24 августа 1810 года

Милостивый государь мой Александр Петрович! (имеется в виду Тормасов. — К. Д.)

Государь император по прочтении всеподданнейшего Вашего высокопревосходительства донесения от 16 июля высочайше удостоил чиновников в списке поименованных к назначенным награждениям — касательно же пожалования г-ну генералу от инфanterии Булгакову ордена св. Александра Невского, его императорское величество еще приостановился утвердить; ибо разные дошедшие слухи подают повод к суждению, что в средствах, предпринятых к усмирению мятежников, г-н генерал Булгаков употреблением непомерных мер жестокости и бесчеловечия прешел границы своей обязанности.

Есть ли верить известиям, то экспедиции против карбардинцев и закубанцев состояли в совершенном разграблении и сожжении жилищ; жестокие сии действия, доводя тех народов до отчаяния, возбуждали только к нам ненависть их, и вообще обращение его с соседственными сими народами более служит к отвращению их от нас, нежели к установлению в том kraю спокойствия.

Государю императору угодно, чтобы Ваше высокопревосходительство по усердию и свойственной Вам справедливости, объявили мнение Ваше насчет генерала Булгакова, и можно ли на него надеяться в точном исполнении предположения комитета министров в рассуждение

открытия торговой связи с сими народами. Не оставьте, Ваше высокопревосходительство, меня уведомить о Ваших заключениях для доклада государю императору.

Во ожидании чего с совершенным моим к Вам почтением и преданностию честь имею быть.

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга,

Барон Барклай де Толли.

24 августа 1810 года

С. Петербург

№5

Декларация независимости,
направленная объединенными князьями Черкесии
монархам Европы и Азии

«Жители Кавказа не являются подданными России и даже не состоят в мире с ней, но уже в течение многих лет втянуты в войну с нею. Эту войну они ведут без посторонней помощи. Они никогда не получали ни помощи, ни поддержки ни от какого государства. В то время, как султан, как духовный глава магометанства, осуществляет свое верховенство в этих провинциях, жители побережья Черного моря, исповедующие эту веру, предоставлены сами себе в своей защите, и за последнее время Порта неоднократно предавала и оставляла их без помощи. Один паша открыл ворота Анапы московитскому золоту, говоря черкесам, что русские пришли как друзья, чтобы поддержать султана против восставших вождей Арменистана. Другой паша снова предал их и бросил их страну за одну ночь. С тех пор черкесы неоднократно посыпали депутатии к султану, выражая преданность и прося помощь, однако, их встречали холодно. С таким же успехом они обращались к Персии, и, наконец, к Мехмету Али, который принял их преданность, но отказал в помощи.

Во всех этих случаях депутатам от Черкесии поручалось сказать тем, кто, будучи на расстоянии, не знал, как тяжко давление России, как враждебна она к их обычаям, вере и счастью всех людей (иначе зачем бы черкесы так долго воевали против нее?), как вероломны были ее генералы и жестоки ее солдаты, но это ни в чьих интересах, чтобы черкесы были уничтожены. Напротив, это в интересах всех – поддержать черкесов. Сотни тысяч мос-

ковитских войск заняты войной против нас, карауля и блокируя нас, чтобы затем воевать с вами. Сотни тысяч людей рассеяны по нашим бесплодным землям и крутым скалам, которые воюют с нашими отважными горцами, чтобы затем заполнить ваши богатые равнины и поработить ваших подданных и вас самих. Наши горы были оплотом Персии и Турции; без поддержки они могут стать воротами в сбие эти страны, ибо сейчас они – только прикрытие для них. Они являются дверью в дом, закрыв которую можно защитить только одно сердце. Но более того, наша кровь, черкесская кровь, течет по венам султана. Его мать – черкешенка; его гарем состоит из черкешенок; его рабы – черкесы; его министры и генералы – черкесы. Он вождь нашей веры, а также нашего народа; он владеет нашими сердцами, и мы предлагаем свою приверженность. Всеми этими связями мы требуем у него сочувствия и поддержки, и если он не захочет или не сможет защитить своих детей и подданных, то пусть подумает о крымских ханах, потомки которых находятся среди нас».

Таковы были слова наших депутатов, как им было поручено говорить, но они не были услышаны. Но так не было бы, если бы султан знал, как много сердец и мечей он мог возглавить, если бы он перестал быть другом московитов.

Мы знаем, что Россия не единственное государство в мире. Мы знаем, что есть государства более великие, чем Россия, которые, будучи достаточно могущественными, настроены благожелательно, которые просвещают невежественных, которые защищают слабых, которые не дружат с Россией, но, скорее, враждуют с ними и которые являются не врагами, а друзьями султана. Мы знаем, что Англия и Франция являются первыми нациями на земном шаре и были великими и могущественными еще тогда, когда русские в маленьких лодках пришли к нам и просили у нас разрешения ловить рыбу в Азовском море.

Мы думали, что Англия и Франция нисколько не интересуются таким простым и бедным народом, как мы, мы не сомневаемся, что эти мудрые нации знают, что мы нерусские, и, хотя мы плохо знаем и не имеем артиллерии, генералов, дисциплины, кораблей или богатств, что мы честный и мирный народ, когда нас не трогают, но что мы по веской причине ненавидим русских и почти всег-

да бьем их. Далее, мы с бесконечным оскорблением узнали, что наша страна отмечена на всех европейских картах как часть России; что договоры, о которых мы ничего не знаем, подписаны Россией и Турцией, которая хочет передать русским этих воинов, от которых Россия трепещет, и эти горы, где никогда не ступали ее ноги; что Россия говорит Западу о том, что черкесы являются ее рабами или дикими бандитами и дикарями, к которым не может быть проявлено снисхождение, и никакой закон не может их обуздать.

Мы торжественно выражаем протест перед небесами против таких женских хитростей и обманов. Мы отвечаем словом на слово, и оно истинно против фальши. В течение 40 лет мы победно выступали против нападок с оружием в руках; эти чернила, как кровь, которую мы пролили, провозглашают нашу независимость; и здесь мы прилагаем печать людей, которые не знают ничего более высокого, чем решение их страны, людей, которые не понимают утонченных аргументов, но которые знают, как использовать свое оружие, когда русские приходят со своей протянутой рукой.

Какая сила может изгнать нас отсюда? Наша верность предложена султану, но, если он в мире с Россией, он не может принять ее, так как Черкесия воюет с ней. Наша верность – это добровольное чувство; он не может продать ее, потому что он не покупал ее.

Пусть такая великая нация, как Англия, к которой обращены наши взоры и простерты наши руки, не думает о нас вообще, если мы несправедливы. Пусть она не открывает свой слух хитростям русских, пока она закрывает его от мольбы черкесов. Пусть она судит по делам о народе, который называют диким и варварским, и о его клеветниках.

Нас 4 млн, но, к несчастью, мы разделены на множество племен, языков и вер; у нас разные обычаи, традиции, интересы, союзы и раздоры. У нас также никогда не было единой цели, но мы имели подобие правительства и обычая подчинения и командования. Вождь, избираемый каждым племенем во время войны, обладает всеми полномочиями, и наши князья и старшие управляют соответственно обычаям каждой местности с большим авторитетом, чем в великих государствах вокруг нас; но поскольку у нас нет единого вождя, мы, правя на всем востоке, всегда избираем вождем чужеземца. Так мы доб-

ровольно подчинились господству крымских ханов, а затем султану Константинополя, как вождям нашей веры.

Россия, когда она захватывала часть нашей территории и где-то одерживала верх, пыталась низвести нас на положение рабов, завербовать нас в свою армию, заставить нас проливать свой пот и свою кровь для ее обогащения, воевать вместо нее, порабощать ей других, даже наших соотечественников и единоверцев. Поэтому между нами выросла ненависть и кровопролитие не прекращается, иначе мы уже давно были бы покорены московитским вождем.

Было бы печальной и долгой историей рассказывать вам о ее жестокости, нарушениях ею клятв и обещаний; как она окружила нашу страну со всех сторон, отрезав нас от предметов, необходимых для жизни; как она прервала нашу торговлю; как она предала ножу наемных убийц последние остатки наших домов и оставила нас без вождей, которым бы мы подчинялись; как она уничтожает целые племена и селения; как она подкупила вероломных агентов Порты; как она привела нас к нищете и загнала нас в ненависть и раздражение против всего мира ужасами, которые она допустила, в то время, как своей ложью она опозорила нас в глазах христианских наций Европы.

Мы потеряли племена, которые раньше могли собрать сотни тысяч воинов под своими знаменами, но мы, наконец, объединившись, все, как один, в ненависти к России; 200 тыс. людей только из нашего народа подчинены ею в этой долгой схватке; из оставшихся ни один не служит России добровольно. Много детей было похищено, а дети знати были взяты заложниками, но при первой же возможности они бегут в свою страну. Среди нас есть люди, которые пользовались благосклонностью, уважением и ласками императора, но которые предпочли этой благосклонности опасности их родной страны. Среди нас есть тысячи русских, которые предпочли наше варварство цивилизации их страны. Россия построила крепости на нашей территории, но они не обеспечивают безопасности больше, чем достигают их ружья; 50 тыс. русских недавно вторглись к нам, и они были побиты.

Именно только оружием, а не словами, может быть захвачена эта страна. Если Россия покорит нас, то это она сделает не оружием, а пресечением наших коммуникаций и использованием Турции и Персии так, как буд-

то они уже принадлежат ей; сделать море непереходимым, как будто оно уже принадлежит ей; блокадой нашего побережья, уничтожением не только наших судов, но и судов тех государств, которые приходят к нам; отвращением нас от рынка необходимой нам продукции; запрещением нам получать соль, порох и др. военные принадлежности, которые необходимы нам для жизни; лищением нас надежды.

Но мы независимы, мы воюем, мы побеждаем. Представитель императора, который представляет нас в Европе как своих рабов, который отмечает нашу страну как свою на карте, недавно открыл коммуникации с черкесами, но не для прощения восстания, а для того, чтобы вывести отсюда 20 тыс. человек, захваченных нашими людьми, и «уговориться насчет обмена пленными».

№ 6

Воззвание руководителей меджлиса «Великое и свободное заседание» Карабатыра Заноко и Измаила Баракай Дзиаша к черкесскому народу

Черкесы, знаменитые смелостью и храбростью!

С потерей всех старинных прав и преимуществ, с прорабощением вашим тому назад 40 лет без всякого на то права и с посылкой к вам войск нарушился между вами порядок и разъединилась ваша прежняя связь, но несмотря на это, вы со свойственной и враждебной вам смелостью, рвением и полной храбростью двинулись, как львы, и выказали полную твердость перед врагами. Вы защитили и сберегли вашу религию и ваше отчество, наследие ваших праотцов, но вот уже два года, как ваше положение ухудшается по причине разъединения и недостаточного единодушия. Будучи в этом положении, вы послали некоторых из ваших начальников в иностранные государства с нужным поручением.

По возвращении своем они вам объявили, как вы должны действовать, поэтому составился национальный совет и соединение племен между собой. И вот в короткое время вы достигли победы над временем.

Те, которые не надеются на Бога и не верят в него, пусть верят казакам и тому, что с ними сделали начальники русских войск, вы ведь видели их положение и что с ними случилось от разъединения. Это послужило вам только примером для соединения и единодушия. Все

государства хвалят дела ваши и благодарят вас — вы, может быть, и не знали этого.

После воздания благодарений Всевышнему и Всемогущему Богу и его пророку слушайтесь наставлений ваших начальников и приказаний Великого совета и тех распоряжений, которые от них исходят, не противьтесь этому, исполняйте обязанности службы во всей правде.

Ведь в прежние времена ни одно государство не покоряло ваших владений, наследие дедов ваших, и вы по причине ваших похвальных качеств защитили вашу землю от рук врагов иувековечили имя и славу черкесов. Бог даст, и теперь вы достигнете осуществления надежд ваших при помощи Всевышнего, причины всех причин, к которому все возвращается и в котором все ищут убежища.

Не думайте, что ваше сопротивление русским войскам, ваша храбрость, твердость и все, что вы сделали мечами и ружьями, не дошло до слуха других областей и государств. Напротив того, гром славы вашей поднялся к нему, и ваша известность распространилась во все концы света, все короли хвалят ваши деяния, ни одно из государств не имеет склонности к России, русские войска и народ находятся в страхе и бедствии.

С некоторого времени иностранные государства возбуждают к движению русских начальников. Государство их клонится к разрушению и большая часть войск и народа разбегаются в разные места — все это служит доказательством их близости к гибели. Кроме того, как вам известно, народ черноморский, когда искал покровительства России, положил условием, чтобы их оставили на всегда в коренном их отечестве и чтобы не заставляли насильно служить в войсках; кроме того, были еще условия, заключавшиеся в жалованной грамоте, данной черноморцам от русского правительства. На этих условиях черноморцы поручили русским себя, свое имущество, детей и семейства и служили русским правдой.

Несмотря на это черноморцев выселили из коренного их отечества насильно и несправедливо, самым постыдным образом. Это известно всем. Также вы знаете, сколько раз русские выказывали измену и не держали обещаний своих. Все это видели от них черноморцы и говорят об этом.

О, черкесы, знаменитые мужеством, твердостью в религии и врожденной храбростью, когда черноморцы прибегнут к вашей защите и поручат вам все свои дела во-

обще, вам нужно показать им уважение, потому, что они
странники несчастные.

Во всяком случае, пришло время освобождения ва-
шего отечества из рук неверных, и, Бог даст, скоро все
государства решат быть вам независимыми и помогут
вам, в особенности после сражении при Хамкети, Гумбес
и других местах, где вы показали храбрость вашу и про-
славили ваше оружие. Все государства хвалят вас – это
благословенная война против неверных.

Теперь именно настало время освобождения вашего
отечества и возвращения ваших старинных прав, потому
что по причине и сильного стеснения в денежных делах
порядок в русском государстве разрушен, особенно это
происходит от Швеции, Норвегии, Дании с Польшей, Венг-
рией, землей черкесов, с вашими соседями: Грузией, Да-
гестаном, Персией, Татарией и даже Индией – все эти зем-
ли теперь в споре о возвращении прежних прав.

Вот почему я обращаюсь к вам с воззванием, чтобы
вы устроили ваше положение теперь.

Ищите помощи у Бога, чтобы он укрепил руки ваши
на врагов. Просите Бога о благополучном окончании дела.

Вот мы вам объяснили все это, чтобы вы знали. По-
ступайте так, как мы вам советуем. Мир вам!

Мы, старающиеся об этом деле: Занойка Кара Батыр
и Измаил Баракай. Мы знаем, что сделаем после этого с
русскими при помощи королей.

№ 7

**1837-й, май. Ответ абадзехского, шапсугского
и натухайского обществ на воззвание Российского
императора (на турецком языке).**

Подлинник (в переводе с арабского)

«Присланную вами прокламацию мы получили и со-
держание оной узнали. Воссылая хвалу Всеизыннему Богу,
мы, мусульмане, довольны всегда его предопределением.
Более десяти лет находясь в беспрерывной войне с на-
деждою быть ни от кого независимыми. Теперь же от
высокого короля Английского двора получили бумагу,
относящуюся ко всем горским племенам от Чечни до
самого Кызыл-Ташского перевала, содержание которой
известно и вам, из которой видно: чтобы черкесы с наме-
рением убийства и грабежа не вступали никогда в рос-
сийские пределы, а россиянам удалиться от черкесов и

более не вступать с войском в наши земли, и на сих условиях утвердить договор и возобновить мир и согласие. Объявляя о сем вам, мы совершенно в том уверены, что дружба и согласие между нами возворятся тогда, когда все войска ваши и крепости переведены будут за реку Кубань и торговлю со всеми племенами как водою, так и сухопутью продолжали бы; когда же изъявите на сие ваше согласие, то не оставьте почтить нас ответом, а то мы все единодушно согласны покориться, в том нет сомнения и подозрения; силу и могущество свое вы показали, ибо во власти вашей состоят земли более чем в семи королевствах, и не для вас одних Всемогущий Бог создал все земли, но на объявленное же в прокламации предложение, одному Превечному Творцу известно, что мы никогда не согласимся, и теперь имеем переговор не от страха вашего, но единствено от наставления и совета, данного нам английским двором, а то, что вы могущество и храбрость свою объявили с гордостью уничтожением нас одним только словом, одному только всемогущему Творцу может сие отнести, и хотя вы имеете силу, но мы тоже надеемся на милосердие его. В случае же приятия подобно прочим правительствам и королевствам, без сомнения, все черкесы без изъятия в покорности будут согласны».

На подлинном подписались Абадзехского, Шапсугского и Натухайского общества муллы, все духовенство и почетные люди.

№ 8

Мусса-паша Кундухов. Воспоминания (Перевод с английского В. Дегоева)

(1840 год. Горские депутаты в Тифлисе)

«... я приехал с князьями в Тифлис и представил их начальнику штаба, знавшему каждого из них лично. После краткой беседы он доставил их к командующему корпусом.

Приняв от депутатов народные петиции, генерал Головин достаточно обстоятельно говорил с ними о прошлых ошибках русских и горцев, о будущем благоденствии и тех и других. Позже, на третий день, получив щедрые подарки от командующего корпусом, князья вернулись домой. А прошения об утверждении их личных и земельных прав остались, как всегда, среди бумаг, ожидающих

рассмотрения. Как раз перед тем, как повезти князей за подарками и проститься с командующим корпусом, я зашел в гостиницу, где остановились князь Алхас Мисостов и Магомет-Мирза Анзоров. Этих людей я уважал больше, чем всех других кабардинских депутатов. Они оба, не удовлетворившись ответом генерала Головина относительно подтверждения того, что земли Цолко и Етоко должны были остаться в пределах Кабарды, спросили меня: «Можем ли мы отказаться от даров командующего корпусом?»

«Это невозможно», — ответил я.

«Почему?» — удивились они.

«Потому, что едва он почувствует что-то неладное среди горцев на Кавказской линии, особенно в Кабарде и Тагаурии, он легко может воспринять ваш отказ как дурной знак, т. е. подтверждение того, что вы уже связаны с Шамилем».

«О!» — воскликнул князь Мисостов. — Совсем напрасно генерал опасается всеобщего восстания. Передайте ему, что я могу поручиться, что его страхи беспочвенны. Кому бунтовать в Кабарде? Или он не знает, что от Кабарды осталось только имя, Большая Кабарда, и нет ни одного кабардинца, думающего об интересах страны. А в вашей Тагаурии ситуация еще безнадежнее: все классы отреклись от того, что им принадлежало, и покорились воле русских. Если они не поднимутся, хотя бы кто-нибудь из них, о каком всеобщем восстании можно говорить? Таким образом? Странно, что гяур похоронил нас своими собственными руками и продолжает считать, что мы все еще живы».

Видя, что они (князья. — пер.) готовы были дать волю своим чувствам, я решил напомнить им: «Все, что вы сказали, имеет некоторые основания на данный момент, тем более в Тифлисе, совсем не подходящее время для подобных замечаний, и я бы советовал вам не говорить об этом кому бы то ни было еще, а принять подарки и ехать домой и там ждать, что Всевышний соблаговолит ниспослать вам».

«Мы примем подарки, — сказал Анзоров, — но мы бы хотели, чтобы вы знали, что они вызывают у нас не благодарность, а негодование к тем русским, кто хитростью вручил их нам, а еще больше мы презираем тех наших соотечественников, которые, зная, насколько унизительно наше положение и, несмотря на заветы наших отцов,

жадно цепляются за эти подачки, принося им в жертву интересы народа».

Эти слова очень заинтересовали меня, и я спросил: «А что завещали вам ваши отцы?»

«Разве вы не знаете?» — удивился князь Мисостов.

«Честно говоря, нет», — ответил я.

«Да, это очень интересно. Так слушайте: Царица (Екатерина II) просила кабардинцев позволить русским проложить почтовый путь от Екатеринограда до Владикавказа вдоль левого берега реки Тerek. Кабардинцы, предчувствуя злой умысел, поспешили послать двух князей — Атажукина и Хамурзина — к русским с просьбой не строить крепостей и подворий (ямских. — *пер.*) на кабардинской земле. Царица быстро убедила наших депутатов о том, что ничего кроме самой дороги и почтовых станций, да и то лишь на левом берегу Терека, строиться не будет, и взяла с них обещание склонить кабардинцев к согласию. Получив от Екатерины дорогие подарки, князья вернулись в Кабарду. На народном сходе, состоявшемся на берегу Баксана, князья сообщили все, что царица обещала сделать для большего счастья кабардинцев, а затем, выполнив обязательство перед императрицей, стали убеждать своих согражданников в том, что обыкновенная дорога (которую хотят проложить русские. — *пер.*) не представляет для них никакой опасности. Когда они принялись настаивать, народный кадий Шаугенов, переговорив с некоторыми князьями, обратился к собравшимся со следующими словами: «Приятели одного шутника посадили его на молодого необъезженного коня. Когда лошадь начала бешено брыкаться, мужчины, испугавшись за друга, стали кричать ему, что делать, чтобы как можно быстрее и мягче соскочить с коня. На это последовал ответ: «Зачем я должен заботиться о том, что конь сделает сам?» Так и здесь: дай мы русским поймать себя в коварную ловушку, и совершенно ясно, что по их воле Кабарду захлестнет дух алчности. От этого нас спасет лишь Бог».

Хотя родственники депутатов восприняли речь кадия с большим недоверием, князь Хамурзин обратился к народному собранию с подобающим почтением и смиренiem: «Не согласиться с тем, что сказал кадий, означало бы отрицать, что за этими подарками кроются тайные и зловещие для нас замыслы русских. Но, к сожалению, истина состоит в том, что если бы князья, передавшие нам рассудительную и нравоучительную речь кадия, получи-

ли бы от самого рядового генерала подарки, гораздо менее ценные, чем мы от царицы, слова кадия были бы совершенно другими. В сущности, мы не хотим стать уязвимыми для злостной критики или подать дурной пример, и поэтому мы отказываемся от полученных даров и просим отдать их нуждающимся... Мы приняли эти дары потому, что верили: любые другие посланцы на нашем месте приняли бы их так же, как это сделали мы».

Когда собравшиеся поспешили единогласно объявить, что царские подарки принадлежат им (т. е. тем, кто их получил. — *пер.*), Хамурзин отвел своего друга, князя Атажукина, в сторону. Обсудив происшедшее, они оба забрали свои подарки и направились к мосту. Стоя на середине моста, князь Хамурзин обратился к народу с такими словами: «Мы признаем, что этими сверкающими каменьями, титулами, золотом и серебром русские хотят навсегда затмить яркое солнце Кабарды, и молим Бога уберечь отныне каждого кабардинца от чумных русских даров так, как сейчас избавимся от них мы, чтобы перед вами и потомками очиститься от скверны». С этими словами князь выбросил драгоценности, и их сразу же поглотил буйный Баксан.

Из народа послышались громкие крики одобрения: «В вас говорит чистый и правдивый голос крови»; «Этого требует честь» и т. д.

Затем к собранию обратился князь Атажукин: «С разрешения старших я тоже хочу сказать несколько слов в надежде на ваше понимание. Мы позволили себе принять эти подношения потому, что, к сожалению, уже были научены многочисленными примерами других. Теперь же, если наш пример в свою очередь достигнет цели, мы с Хамурзиным будем гордиться своим поступком. Если же все окончится пустыми словами восхваления нас на этом собрании, мы будем горько сожалеть, что не смогли осуществить наших заветных желаний и что Кабарда уж более не та, какой ей подобает быть».

Народный сход воспринял слова Атажукина с энтузиазмом. Было решено не позволять русским прокладывать дорогу, строить крепости и казацкие станицы на кабардинской земле: считать предателями всех, кто имел дело с русскими, получал от них титулы или подарки, и казнить таковых, как врагов народа. Было также решено, по примеру закубанцев, назначить одного старшину с особыми полномочиями.

Так кавказцы обрекли на проклятие любого, кто принимал что-либо от русского правительства: они отказались давать какие-либо обещания русским, к которым тали питать только враждебность».

№ 9

Рапорт начальника Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта Раевского военному министру графу Чернышеву от 28 февраля 1841 года

«...Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе, и от этого вынужден покинуть край. Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами, но я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успехов завоеваний Пицара (Pizarre) и Кортеса (Cortez). Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не осталось в русской истории кровавого следа, подобному тому, какой оставили эти завоеватели в истории испанской...».

№ 10

1845 год, сентябрь. Письмо Шамиля черкесским племенам с призывом к борьбе с «неверными»

От Бога Единого помощь!

Да будет с вами мир и благодать Господня и да наставит вас (и нас) Бог на путь ему благоугодный!

Вслед за посланным в благословенный край ваш для проповедования чистой веры братом моим (о Боге), почтенным улемом Сулейман-Эфенди, я сам желал быть между вами, хотел, чтобы взаимные наши отношения сделать более близкими и твердыми; но вторжение в наши пределы множества нечестивых сил меня от того удержало. Надо было им противоборствовать и защищать край, Богом покровительствуемый.

Ныне старания мои увенчаны успехом, неприятели возвратились от нас пораженные, пристыженные, с разрушенными планами и несостоявшимися видами. Мы принесли Господу Богу благодарственное молебствие за это чудесное избавление и ему единому оное приписали.

Когда я с верными моими последователями возвратился в сел. Благодатное, то велел им возобновлять разоренные свои жилища. В это самое время приехал от вас вышеписанный наиб и похвальным на счет вас отзывом,

и передал мне обо всем, что между вами и им происходило и как с ним шли ваши переговоры, клонящиеся к сближению с нами и к изгнанию из вашего края неверных. Я вами весьма доволен; да благословит вас Бог на дело праведное и да улучшит ваш последующий быт!

Не бойтесь и не унывайте, ибо вы высоко еще стоите. Не одолеют вас нечестивые, доколе вы свято будете сохранять правила исламской веры. Не склоняйтесь на богатство, которым они владеют, и не давайте веры тем отступникам из среды вас, которые предпочитают неверных своим братьям правоверным из опасения, чтобы вас не постигла жалкая участь и чтобы вы не сделались подобными клятвопреступникам, достойным тяжкого наказания и гонимым судьбою в этом и в будущем мире.

Я в скором времени пришлю к вам вашего наиба и надеюсь, что буду иметь возможность видеться с вами и поговорить о делах основательным образом; теперь да будет с вами мир Господень и мое благословение.

№ 11

1859 год, март. Петиция черкесских старшии, посланная серакири Риза-паше и представленная в Константинополь его адъютантом Омер-беем

Содержание благосклонного письма В. пр-ва, врученного нам Вашим адъютантом Омер, который был послан в последнее время в нашу страну специально для наведения конфиденциальных справок, а также распоряжения, руководства и полезные предостережения, которые этот офицер сообщил нам словесно от имени В. пр-ва, посланные нам с целью в особенности поощрить наше мужество, переполнили нас признательностью и глубокой благодарностью.

Мы гордимся Вашим участием, которое Вам еще угодно вообще нашим соотечественникам и можем быть только в высшей степени признательны за то, что Вы не забываете черкесского народа и что удостаиваете принимать участие в нашем положении, подавая нам время от времени то открыто, то тайно, устно или письменно, полезные советы и секретные известия, что заслуживает нашей общей благодарности.

Вся черкесская нация чувствует себя счастливою и гордою благосклонностью, новые доказательства которой мы усматриваем в обещании Вашего превосходительства

продолжать тайную поддержку, которую мы никогда не переставали получать от Вашего превосходительства так же, как и неоднократное полезное руководство, имеющее целью еще более увеличить ревность и мужество всех наших соотечественников. За все эти благодеяния мы единодушно обещаем повиноваться султану и Вашему превосходительству.

В письме Вашего превосходительства выражено, что т. к., смотря по обстоятельствам, не всегда удобно давать инструкции письменно, вы поручили Вашему офицеру передать нам все Ваши распоряжения и советы так же, как и помошь, которую Вы можете нам оказать, и предлагаите нам действовать согласно волею В. пр-ва; все это мы узнаем изустно от Вашего офицера. В этом отношении все мы не замедлим исполнить Ваши приказания всеми силами наших душ.

Благодаря руководству и поощрениям, которые исходят от Вас, а также и нашей значительной помощи, единодушные и сила, которые царят теперь и в народе, до сих пор не имели себе примера.

Ваш адъютант передавал нам, что до Вашего сведения дошло, будто мы хотим заключить мир с Россией, — этим врагом всего нашего народа; но В. пр-ву не безызвестно, что во все времена единственным желанием черкесов, как известно всему свету, была свобода, на что мы имеем действительное и неоспоримое право. До тех пор, пока это желание не исполнится с согласия и с помощью европейских держав, притом совершенно согласно с нашими желаниями, даже мысль о заключении мира с Россией не придет нам на ум; к тому же мы будем действовать только с согласия В. пр-ва и уверившись в Ваших намерениях. Пока наши желания не приведутся в исполнение, мы не перестанем вести войну с Россией и никогда слово МИР не будет нами произнесено.

Ваш адъютант уверял нас также, что В. пр-во очень желаете, по мере возможности, присыпать нам все предметы, в которых мы чувствуем существенную необходимость и он нам дал понять, что если продержимся еще некоторое время, не давая повода России подозревать о наших отношениях и не делая ни малейшей попытки к примирению, это послужит к нашему преимуществу; что Вы окажете нам, таким образом, большую услугу и что во всех отношениях Вы нам окажете свое покровительство и тайную помощь. Это также можно заключить по

общим выражениям Вашего письма. Эта помощь и благосклонность с Вашей стороны приадут нам, без всякого сомнения, большую силу. Мы перечислили Вашему адъютанту все предметы, необходимость которых мы здесь чувствуем; он вам представит подробный перечень их и мы просим Вас доставить по нему все, что окажется возможным; мы уверяем также В. пр-во, что согласно Вашим приказаниям, все мы решили не сдаваться еще не которое время и продолжать войну.

Таково окончание нашей почтительной петиции.

Подпись: наиб Магомед-Амин-паша, Рейс-гаджи-Керемдук-бей, Измаил-бей, Ахмет-оглу Магомет-бей, Гадык-бей, Догуз-Гаджи-бей, Гасан-бей, Мурад-бей, Муссавалет-бей, Медиски-бей, Уве, Гаджи, Сулейман-бей, Валь, Али-бей, Обарев-оглу Мессаиб-бей, Азамет-оглу Садык-бей, Саак-бей, Сатыр-бей, Сиско-бей, Гаджи Серайдун-бей, Гаджи Елгази-бей, Гаджи Келемет-бей, Рики Гассан-бей, Гаяц Серайдун-бей, Гази Гассан, Илиас-ага, Мустафа-ага, Девлет-Мирза, Елдур-бей, Ванук-оглу Алим Гирей-бей, Сулейман-оглу, Гастесум-оглу Магомет, Дейри Садык, Дейри Гатурук-ага, Дейри Гаджи-Мустафа, Дейри Гаджи Ахмет, Дейри Измаил, Яшия Мустафа, Яшия Рафуреид, Сарамук Ислам-Гирей-бей, Сургукой, Багчикой, Аббасгери-бей, Рейзе Измаил.

№ 12

Из предписания главнокомандующего
Кавказской армией генерал-адъютанта
князя А. И. Барятинского командующему войсками
правого крыла Кавказской линии

1858, февраль... Мы не имели причин решительно отказываться от основной системы наших действий на Кавказской линии, которой до сего времени следовали с очевидною пользою (на полях рукой императора: «Все это весьма справедливо и дельно». - К. Д.) и с несомненными, хотя и медленными успехами, даже и без пособий посторонних войск. Временные усилия кавказской армии давали возможность вдруг продвигать вперед наши предприятия, а в промежутках времени между ними заселение русскими переселенцами передовых линий шло в свою очередь вперед постепенно. Но при этой системе действий, требующей много времени, больших средств и

издержек, окончательный результат ее, т. е. занятие русскими переселенцами земель враждебных горцев до сажи подошвы гор, может использоваться в течение продолжительного времени, и потому для нас было бы весьма не выгодно открыто объявлять окончательно цель наших действий, и прежде чем средства наши будут давать нам отнимать у горцев постепенно ту или иную полосу земли, отвергать покорность жителей этих земель на всяких других условиях, кроме сложения оружия и переселения во внутрь России. Такое открытое требование подвело бы все народонаселение горцев к постоянной и ожесточенной против нас войне и, увеличив только врагов наших, крайне затруднило бы все наши предприятия. В этом деле необходима с горцами уклончивая политика, которая не будет противоречить основной системе наших действий. Принятие от горцев покорности на разных условиях сообразно обстоятельствам и нашим средствам до того времени, когда настанет пора действовать против них решительно, а между тем постепенное увеличение наших требований от них разделит до времени наших врагов, но не помешает нам приводить в исполнение основную систему наших действий...».

№ 13

**К. Маркс, Ф. Энгельс. Лорд Пальмерстон.
Статья восьмая**

«...Захват судна «Виксен», бесспорно, давал лорду Пальмерстону прекрасный повод для выполнения его обещания «защищать интересы страны и поддерживать ее честь». Но, кроме чести британского флага и интересов британской торговли, дело шло еще кое о чем — о независимости Черкесии... Объявляя блокаду, Россия тем самым объявила Черкесию враждебной иноземной страной, и вопрос тогда сводился к тому — признавало ли когда-либо британское правительство эту блокаду. Наоборот, распространяя на Черкесию русские таможенные правила, Россия тем самым рассматривала ее как свое вассальное владение, и тогда вопрос заключался в следующем: признавало ли когда-либо британское правительство притязания России на Черкесию?

Любое притязание России на обладание Черкесией могло основываться только на Андрианопольском договоре. Но договор от 6 июля 1827 года обязывал Россию не делать никаких попыток к территориальному расшире-

нию и не добиваться каких-либо исключительных торговых привилегий в войне с Турцией. Всякое расширение русских границ на основании Андрианопольского договора являлось поэтому открытым нарушением договора 1827 года. Таким образом, Россия не имела права на передачу ей Черкесии Турцией. С другой стороны, и Турция не могла уступить России то, чем не владела сама. Черкесия всегда была настолько независима от Порты, что даже в те времена, когда в Анапе еще находился турецкий паша, Россия заключила несколько соглашений с черкесскими вождями о прибрежной торговле. А раз Черкесия была независимой страной, то законы о местном управлении, санитарные правила и таможенные предписания, которыми московиты сочли себя вправе снабдить ее, были для нее столько же обязательны, как русские законы для Тампико.

С другой стороны, если Черкесия была иноземной страной, находящейся во враждебных отношениях с Россией, то последняя имела право объявить ее блокаду лишь в том случае, если она была в состоянии осуществить эту блокаду на деле, а не только на бумаге, т. е. если Россия располагала бы военно-морской эскадрой, способной обеспечить принудительное проведение блокады, и действительно господствовала бы над побережьем. Но на побережье протяжением в 200 миль Россия владела только тремя изолированными фортами, вся остальная территория Черкесии была в руках черкесских племен. В бухте Суджук-Кале не было никакого русского флота...

Этот случай казался тем более благоприятным для черкесов, что вопрос об их независимости совпал с вопросом о свободе судоходства по Черному морю, с вопросом об охране британской торговли и о дерзком пиратском акте, совершенном Россией по отношению к британскому торговому судну. Их шансы на покровительство со стороны владычицы морей казались тем более несомненными, что «нездолго до того... была опубликована декларация о независимости Черкесии и на карте, просмотренной самим лордом Пальмерстоном, Черкесия была обозначена как независимая страна» (Речь лорда Стэнли в палате общин 21 июня 1838 года).

Таким образом, согласно собственному признанию лорда Пальмерстона, он в своих письмах к г-ну Беллу отрицал за Россией право блокировать черкесское побережье или подвергать его каким-либо торговым ограничениям. Правда, вся его речь была проникнута желанием навязывать палате вывод, что Россия владела Чер-

кесией. Но, с другой стороны, он открыто заявил: «Что касается расширения русских границ в районе устья Дуная, на Южном Кавказе и на побережье Черного моря, то оно, безусловно, не согласуется с торжественным заявлением, сделанным Россией перед лицом всей Европы до начала турецкой войны...».

№ 14

Послание Сефир-бея наказному атаману Черноморского казачьего войска Г. И. Филиппону

Как во время войны, продолжавшейся с 1852-го по 1856 год почти 3 года между союзными державами и Россией, так и при заключении общего мира, наш край, т. е. черкесский народ, постоянно был вместе с Турцией, что известно союзным державам и Вам. Также известно всем, что, несмотря на 28-летнюю войну с Россией, наш народ не был покорен ею.

Не зная, что наш край в таком положении оставлен союзными державами, мы не отправляли особого посла к Туремскому правительству, а писали Французскому и Английскому правительствам, объясняя, что мы, как отдельный народ, были вместе с Турцией, и в ожидании ответа, чем будет определено положение нашего народа на Парижской конференции, находились при наших мирных занятиях.

Ныне Вы, пока еще не определена настоящая граница, с какою целью двинулись к Зейбиэ? Но мы до получения ответа с конференции не намерены стрелять из ружей, если же Вы, желая воевать, будете приступать к истреблению наших поселков, то объявляем Вам, что все черкесы, начиная от Кабарды до Анапы, единодушны и согласны между собою.

Бог велик, если вы будете воевать с нами. Ни в какое время никто не мог овладеть нашим краем и ныне мы, как в прошедшие времена, будем вместе с Турцией. Мы спрашиваем Вас: в тексте Карабая, с какой целью Вы двинулись к нам?

Турецкое правительство с согласия всей Европы объявило, что все народы имеют полное право овладеть своею землею, и мы так же, как было определено в Парижском мирном договоре, желаем владеть нашими землями, а потому желаем знать: почему Вы пришли к нам?

Прошу дать нам на это ответ.

Если Вам угодно было открыть с нами переговоры, то следовало бы не вступать в наши пределы с вооруженою рукою, а, оставаясь на границе, объявить нам Ваше желание видеться с нами. Если, напротив, Вы намерены открыть войну с нами, то будьте известны, что по сие время ни одно правительство не могло покорить наши горы силою оружия и никому мы не были подвластны. Мы требуем от всех правительств считать нас отдельным народом. В чем состоит намерение России о наших горах? Наше желание оставаться отдельным народом, с этой целью отправили мы к Вам особого посла нашего.

№ 15

Из книги Ф. Ф. Торнау
«Воспоминания кавказского офицера»

«При заключении Андрианопольского трактата, в 1829 году, Порта отказалась в пользу России от всего восточного берега Черного моря и уступила ей черкесские земли, лежащие между Кубанью и морским берегом, вплоть до границы Абхазии, отделившейся от Турции еще лет двадцать тому назад. Эта уступка имела значение на одной бумаге – на деле Россия могла завладеть уступленным ей пространством не иначе, как силой. Кавказские племена, которые султан считал своими поданными, никогда ему не повиновались. Они признавали его как наследника Магомета и падишаха всех мусульман, своим духовным главою, но не платили податей и не ставили солдат. Турок, занимавших несколько крепостей на морском берегу, горцы терпели у себя по праву единоверия, но не допускали их вмешиваться в свои внутренние дела и дрались с ними или, лучше сказать, били их без пощады при всяком подобном вмешательстве».

№ 16

1854 год, октябрь 22-е. Крепость Прочный Окоп.
Отношение начальника Правого фланга
генерал-майора Евдокимова к начальнику
Черноморской кордонной линии
генерал-майору Кухаренко о разорении им
хатукаевского аула Клычева

На отзыв Вашего превосходительства 16 октября № 171 имею честь уведомить, что 19 октября, перепра-

вившись с отрядом через реку Белую, я напал и уничтожил Гатукаевский аул Джон Клычева. Жителей я нашел в совершенной беспечности, так что весь скот и все дочиста имущество аула досталось в наши руки. Жители, которые не успели спастись в лесных трущобах, перебиты. Хотя я находился в течение 2 суток у разоренного аула, но неприятель ничего против меня не предпринимал, несмотря на то, что от отряда посыпаемы были колонны для сожжения хлебов и сена, заготовленного Гатукаевцами между реками Белою и Пшишью, которое в огромном количестве предано пламени.

Неприятель преследовал меня очень слабо и недалеко. Сегодняшнего числа я прибыл в Тенгинскую и распускаю отряд.

Сосредоточение Черноморского отряда у поста Константиновского, по всей вероятности, присутствием своим парализовало неприятеля, заставляя его опасаться нападения со стороны нижней Кубани, что дало мне возможность совершить столь удачно мое предприятие.

№ 17

1857 год, февраль. Выписка из записок генерал-майора Больфа по предмету военных действий на Кавказе

Система, которой следовали доселе в действиях на Кавказе.

Общие основания. Общая мысль, руководившая генералами Ермоловым и Вельяминовым, первых начальников, предпринявших решительные действия против горцев, состояла в том, чтобы, утверждаясь на равнине посредством возведения укреплений или подчинения обитавших здесь обществ русской власти силою оружия, не углубляясь в горы, не раздроблять наших сил и довольствоваться распространением влияния нашего в горах посредством политических сношений с влиятельными там лицами и поддержания или установления власти местных преданных нам владетелей. Преемники их, за некоторыми исключениями, изучив здешнюю войну, приходили постепенно к тому же заключению, но, конечно, по мере того, как мы подвигались вперед, ближе знакомились с краем, а время многое изменяло в отношениях наших к горцам, эта система более развивалась, совершенствовалась, изменялась не в главных основаниях, а в

частных применений, усилия наши правильные употреблялись к достижению указанной уже цели. Сильные уклонения от подобного образа действий, имевшие место в разные времена, и последствия их доказали необходимость возвратиться к настоящим началам Кавказской войны, которые можно выразить словами: обладание равниною, влияние в горах.

Относительно обладания равниною многолетний опыт доказал уже, что отделение плоскости от гор, как то первоначально предполагалось, рядом небольших фортов, построенных у всех выходов из ущелий, с целью, так сказать, герметически запереть неприятеля в его горах, что эта мысль несбыточна и ведет к бесполезному и вредному раздроблению наших сил и что гораздо выгоднее построить небольшое число, но сильных укреплений, которые бы вмещали кроме гарнизонов значительные подвижные резервы; прорубить просеки в лесах по важнейшим военным направлениям, устроить хорошие сообщения; водворить казачье поселение на этих передовых линиях или позади, смотря по местности, и, таким образом, приобрести возможность проходить по этой равнине везде и во всякое время года и вынудить непокорное население или покориться, или удалиться в горы, много стесняясь в последнем случае обитающие оные общества.

Влияние в горах приобретается, во-первых, при уже прочном обладании равниной, которое, лишив горцев лучших их пахотных и пастищных мест и многих необходимых средств к существованию, поставит их в зависимость от нас; во-вторых, тем, что, подвинувшись нашими линиями к подножию гор, нам легче будет приступить к вырубке просек и проложению сообщений по важнейшим ущельям, дабы открыть войскам нашим доступ в горы и средства наказывать ближайшие непокорные горские общества, держа эти племена в беспрерывном страхе от нашего оружия и, может быть, укрепясь на немногих пунктах в предгориях, мы отклоним от восстания многие племена и ограничим восстание других в таких пределах, что оно сделается для нас не опасным; для обуздания же мелких обществ, которые будут отставать свою независимость в отдаленных ущельях, не потребуется чрезвычайных средств, и власть Правительства на Кавказе будет прочно утверждена.

Таково выражение образа наших действий в последнее 25-летие, т. е. с 1832 года, когда начаты общие с нашей стороны усилия к покорению горцев.

Но в первый период этого промежутка времени, т. е. с 1832 года по 1842-й, по недостатку средств нельзя было приступить решительно к занятию плоскости; исключение составляет только начатое, и в весьма малых размерах, заселение передовой Лабинской линии. Общие же и систематические усилия к утверждению нашему на равнине начались только с 1845 года. Следовательно, чтобы оценить выгоды и невыгоды принятой системы, должно рассмотреть, каким образом она проводилась в исполнение, преимущественно в последнее десятилетие, на различных наших военных линиях.

Понятно, что такое оборонительное положение с нашей стороны не могло препятствовать замыслам Магомет-Амина, главного из предводителей горцев в Закубанском крае, действовавшего сначала как подчиненный агент Шамиля, а впоследствии как независимый начальник, сохранивший однако ж постоянные сношения с Дагестанским Имамом для совокупных против нас действий. Он продолжал усиливать свое влияние между натухайцами, шапсугами и убыхами, более и более подчиняя их своей власти, и отклонял их от мирных с нами сношений. Вооруженные силы его значительно увеличились, так что партии его доходили до Абхазии, неоднократно разоряя пограничные их селения, а при двукратном вторжении в общество джигетов (в 1851-м и 1852 году) совершенно оное разграбили и вынудили оное пристать к восстанию и удалиться в горы, за исключением весьма небольшого числа жителей, которые нашли убежище в наших укреплениях.

Заключение о результатах наших 25-летних действий на Кавказе. Из этого изложения хода военных действий видно, что наши линии не получили еще окончательного устройства, мы не утвердились еще на равнине вполне, т. к. предначертано, что нужно скорее отнять у горцев плоскость, дабы нанести неприятелю чувствительный вред и ослабить его силы; наконец, что везде, где обстоятельства дозволили нам несколько лет сряду неуклонно направлять наши усилия к этой цели, успех наш был несомненный. Если же общий результат столь долголетней борьбы и больших пожертвований не вполне соответствовал всем ожиданиям, если в иных местах дело подвигалось медленно, а в других мы встретили даже неудачи, то нужно принять в соображение, что неконченные и не везде связанные между собою линии и не могли еще поставить нас в такое положение, чтобы плоды наших начинаний были вполне осязательны, а неприятель приведен в крайнее стеснение.

№ 18

**1863 года июня 24-го. Отношение наместника
Кавказа великого князя Михаила Николаевича
военному министру о поселении в 1864 году
в станицах еще 3500 семей, в том числе 1000 семей
из государственных крестьян**

Ход военных действий в Кубанской области и успех колонизации предгорий Западного Кавказа в будущем году будут зависеть от обстоятельств политических, т. е. от того, будем ли мы иметь внешнюю войну или сохраним мир с морскими державами. Но для того чтобы в случае сохранения мира не останавливать важного дела покорения и колонизации Западного Кавказа, я считаю необходимым внести в интендантскую смету расходы, потребные для водворения в новых станицах 3500 семейств с соответственным числом офицеров.

В число этих 3500 семейств я считаю необходимым: включить 1000 семейств государственных крестьян. Поэтому прошу Ваше превосходительство о сношении с Министерством государственных имуществ и об уведомлении меня о том, могу ли я положительно рассчитывать на 1000 семейств переселенцев из государственных крестьян. Положительный ответ на это необходим и для составления расчета предстоящих издержек, и для определения числа казачьих семейств, которые нужно будет вызвать на переселение.

№ 19

**1863 года ноября 10-го. Отзыв командующего
Кавказской армией великого
князя Михаила Николаевича военному министру
генерал-адъютанту Милютину о необходимости
удаления адыгов с «прибрежной полосы»**

Успехи войск наших заставили горцев Западного Кавказа, живших на северном склоне Кавказского хребта, частью изъять полную покорность с обязательством весною переселиться на Прикубанскую равнину или уйти в Турцию, часть же перейти на юго-западный склон гор, где в настоящее время население почти удвоилось этими пришельцами. Для исполнения общего плана покорения Кавказа мы должны теперь приступить к очищению прибрежной полосы.

Войска наши уже заняли перевал против Туапсе и Джубги. Оттесненное ими прибрежное население вполне чувствует свое бессилие и, нет сомнения, при первом шаге покорилось бы нам, если бы была возможность оставить его на настоящем месте жительства. Но как дозволение горцам остаться в прибрежной полосе прямо противоречило бы принятому плану покорения Западного Кавказа, то необходимо удалить население с берега. Между тем природа прибрежной полосы и привычки населения, ее занимающего, до такой степени не сходны с тем, что мы можем предложить горцам, т. е. с жизнью в прикубанской степи, что большинство этого населения придется истребить оружием, прежде чем оно согласится исполнить наши требования. При таких обстоятельствах всего выгоднее для нас воспользоваться обнаружившимся стремлением этих жителей переселиться в Турцию; они ушли бы туда, даже не выждав наступления наших войск. Но, с одной стороны, недостаток перевозочных средств, а с другой — неимение денег для уплаты за переезд морем удерживают горцев от переселения. Чтобы устранить эти препятствия, я приказал крейсерам не задерживать в море суда, перевозящие переселенцев из горцев, и принял меры, чтобы сделать это приказание из руки известным судоходственным, занимающимся каботажным плаванием. Но как одного этого средства недостаточно для достижения цели, то сверх его я считаю необходимым выдавать некоторое денежное вспомоществование в размере не свыше 10 руб. на семейство тем из непокорных горцев, населяющих прибрежную полосу, которые явятся в наши порты для поездки в Турцию. Меру эту я считаю тем более полезною, что она избавит нас преимущественно от таких личностей, которые отличаются своим фанатизмом и вредным для нас влиянием на своих соплеменников, и ускорит окончание войны, а следовательно, и уменьшит издержки, с нею сопряженные.

Соображения эти я имел счастие лично докладывать государю императору в Ливадии, его императорское величество изволил одобрить и разрешил мне употребить на этот предмет до 100 тыс. руб. сереб. из остатков от сметы нынешнего 1863 года. Но имея в виду, что количество остатков может быть определено только по заключению балансового отчета, т. е. не прежде будущего июня, и что в нынешнем году по случаю Закатальского возмущения и по случаю приведения армии на военное положение

жение, я был вынужден разрешить некоторые сверхсметные расходы. Я прошу Ваше превосходительство исходить действовать высочайшее разрешение об отпуске в мое распоряжение на вышеозначенный предмет 100 тыс. руб. с тем, что если окажутся от сметы остатки, то сумма эта будет показана к зачету.

№ 20

1863 года ноября 26-го. Отношение начальника главного штаба Кавказской армии Карцова командующему войсками Кубанской области Евдокимову о необходимости заселения юго-западного склона Кавказского хребта и Черноморского берега до реки Бзыбь казачьими поселениями

Его императорское высочество по докладе рапорта Вашего за № 2988 и вопросов, предложенных Вашим сиятельством, в частном письме ко мне от 17 ноября изволил выразить:

1) что занятие юго-западного склона Кавказского хребта и Черноморского берега казачьим населением его высочество считает необходимым.

Если местность представляет затруднение селить там казаков сплошными станицами, то можно селить их небольшими поселками в удобнейших местах, не связываясь числом дворов в поселках, а применяясь только удобству местности таким образом, что в долинах узких можно расположить казачьи поселения даже отдельными хуторами, вдоль по течению речек. Если хуторное поселение составится из охотников, то на основании положения можно будет предоставить им отведенные участки в собственность. Население казачье можно делать не сплошным, с тем чтобы промежутки заселить в последствии времени или казаками же, или охотниками других словий;

2) что отношение между гражданским поселением и казачьим могут быть установлены в последствии времени, когда обозначится, где и в каком числе будут поселены те и другие;

3) что карантинно-таможенный надзор и устройство таможенных постов может быть исполнено в последствии времени; теперь же следует заботиться исключительно об устройстве дороги вдоль берега для сообщений между будущими поселениями и устройством кордонов, исключительно военных;

4) что его высочество признает совершенно необходимым довести границу русских поселений по берегу до реки Бзыбь, ибо в противном случае и небольшая часть горцев, оставшихся на берегу на каких бы то ни было условиях, будет в случае внешней войны составлять приманку для наших неприятелей. Для того чтобы облегчить и ускорить достижение этой конечной цели войны, его высочество полагает произвести будущей весною, если внешняя война не помешает, десантную экспедицию в ту часть Убыхской земли, которая еще не будет очищена войсками, вверенными Вашему сиятельству.

№ 21

1863 года ноября 28-го. Письмо вице-консула в Трапезунде Мошина начальнику главного штаба Кавказской армии Карцову с изложением позиции турецкого правительства (оно приписывает переселение мусульманскому фанатизму и успехам русских) по поводу переселения

С 22-го по 29-е число отправилось еще 16 баркасов, несмотря на дурную погоду. Из числа их 7 были зафрахтованы шапсугом Хаджи Хаспулетом Саум, рекомендованным мне начальником Даховского отряда. Прибыло сюда 5 баркасов с 1200 (около) черкесов; около 1000 черкесов отправлено в Константинополь. Паша удивляется такому выселению горцев и приписывает это мусульманскому фанатизму и нашим успехам.

Если бы все пароходы брали черкесов, то выселение их не могло быть вредно для Трапезунда, но капитаны всех почти обществ отказывают им в приеме, и Паша просит правительство Турецкое назначить на линию два военных парохода, которые занялись бы их перевозкой. Большое скопление горцев может привести к неприятным последствиям; насколько мне известно, уже некоторые из моих коллег писали о том в Константинополе, дабы остановить переселение. Цель их очень ясна; мне положительно известно, что при первом известии в Трапезунде об успехах императорских войск г-н Подайский и его покровители советовали всем бывшим в Трапезунде черкесам отправиться помочь своим единоверцам отстаивать свою независимость.

Так как Турецкое правительство по интригам наших врагов может косвенным образом остановить переселе-

ние, причиняющее ему много хлопот и неприятностей, запретив шкиперам отправляться к нашим берегам, то я, со своей стороны, распустил слух под рукой, что выселение будет продолжаться только до весны, дабы тем самым заставить здешних шкиперов спешить с отъездом к Черкесским берегам. Льщу себя надеждой, что Ваше превосходительство оправдает эту меру; впоследствии около весны можно будет распустить слух о новом дозволении ехать к Черкесским берегам. Как бы то ни было, нынче почти все каботажники думают только о том, как бы отправиться к Черкесскому берегу, т. к. им никогда не приходилось делать таких фрахтов, как теперь, не боясь, чтобы то или другое правительство не остановило переселения. В Константинополе турецкое правительство не имеет ясного понятия, да и самий здешний Паша, ни о причинах, ни о размерах переселения. Нам, конечно, нет никакой надобности их вразумлять до окончательного покорения горцев.

№ 22

1863 года декабря 5-го. Письмо поверенного в делах России в Константинополе Д. С. Новикова начальнику главного штаба Кавказской армии Карцову о результатах переговоров с турецким правительством о принятии переселенцев и об условиях, выставленных Турцией в связи с ожидаемым массовым переселением в 1864 году

Возвратившись сейчас от турецкого министра иностранных дел и не имея времени с сегодняшним же пароходом изложить Вашему превосходительству всех подробностей объяснений моих с Аали-Пашою по поводу готовящихся переселений в Турцию абадзехов и других горцев, спешу сообщить Вам, милостивый государь, главные результаты наших переговоров.

Вопрос этот по верности своей был подвергнут обсуждению Совета Министров и решение, которое последовало в третьегодняшнем его заседании, было передано мне сегодня Аали-Пашою в следующих общих чертах.

Турецкое правительство не отказывается принять в пределы своей империи кавказских горцев, желающих переселиться в оную массами. Но само собою разумеется, что оно может допустить переселение в больших размерах только на двух условиях, без которых исполнение оного было бы материально невозможно:

1. Чтобы Константинополь и Трапезунд не были указаны переселенцам как единственные пункты их будущего сосредоточения и водворения. Соглашаясь принять их у себя, турецкое правительство предоставляет себе право выбрать и назначить те местности, по которым они могли бы быть удобнее распределены.

2. Чтобы Порте дан был срок приблизительно хотя до будущего мая месяца, в продолжение которого она может озабочиться присканием мест для будущего водворения выходцев и предотвратить затруднения, сопряженные с передвижением народа целыми массами.

Неизлишним считаю прибавить, что на вопрос Аали-Паши, на какое, примерно, количество переселенцев нужно рассчитывать, я не дал, да и не мог дать ему положительного ответа, но чтобы не слишком запугать его с первого раза, я назвал ему 50 тыс., и уже эта цифра привела в сильное недоумение.

Приняв к сведению вышеозначенное решение Совета Министров для донесения о том его императорскому высочеству, я, однако, объяснил Аали-Паше невозможность, в которую мы поставлены: независимо от переселения горцев к известному сроку целыми массами препятствовать частным их переселениям в Турцию в это промежуточное время.

Не могу скрыть от Вашего превосходительства, что весь план переселения горцев в Турцию, как и следовало ожидать, приводит здешнее правительство в большое смущение, а потому данный мне Аали-Пашою ответ может уже считаться весьма удовлетворительным результатом.

Доводя о вышеизложенном до Вашего, милостивый государь, сведения для доклада его императорскому высочеству и в ожидании дальнейших Ваших указаний, я полагал бы, что было бы полезно продолжать начавшиеся переговоры наши с Портою по этому делу, чтобы не давать ей времени одуматься и переменить намерение, а напротив, дальнейшими объяснениями с нею скрепить принятые уже ею на себя обязательства. В том отношении я был бы весьма обязан Вашему превосходительству или бы Вам угодно было сообщить мне для отзыва турецкому министру иностранных дел соображения Ваши о наиболее удобном приведении в исполнение частностей плана переселения, о приблизительном количестве ожидаемых в Турцию выходцев, о возможных льготах по определению сроков и пр.

1863 года декабря 10-го. Копия с отношения
командующего Кавказской армией великого князя
Михаила Николаевича военному министру Милотину
о заселении восточного берега Черного моря
по очищении его от горцев
и о его государственном значении

Все сообщения его императорского высочества коман-
дующего Кавказскою армию высочайше одобрены.

Под. ген.-адъют. Милотин 20 декабря 1863 года.

Окончательное умиротворение Западного Кавказа долж-
но совершиться водворением русского населения на вос-
точном берегу Черного моря. Исполнение этой важной
государственной меры предвидится в близком будущем.

Казачьи станицы наши заняли пространство от усть-
ев Кубани до Цемесской бухты, береговая полоса уже
очищена до устья реки Джубги, к предстоящей весне и
на остальном пространстве определением для казачьего
населения высочайше утвержденным положением о за-
селении Западного Кавказа не должно оставаться горского
населения; если внешние события не помешают моим
предположениям, то в течение будущего лета я надеюсь
очистить берег и далее той черты, которая назначена в
положении, может быть даже до реки Бзыби.

Если план этот будет исполнен, то уже не останется
неприятеля, который мог бы помешать водворению на-
шего населения на всем пространстве береговой линии.
В настоящую минуту я не могу еще положительно опре-
делить, какую часть этого пространства можно занять в
наступающем 1864 году и сколько семейств потребуется
для окончательного ее заселения в течение 1865 года, но
убеждаюсь, что, во всяком случае, заселение прибрежной
полосы не может быть произведено в том самом виде, в
каком мы заселяем северный склон хребта.

Вся полоса земли, заключающаяся между гребнем
Главного Кавказского хребта и морским берегом, имеет
ширины от 15 до 40 верст. Изрезанная ущельями и попе-
речными отрогами гор, она представляет множество уз-
ких долин, обильных всеми дарами природы, но разде-
ленных местностями, неудобными для земледелия. При
таких условиях береговая полоса не позволяет там се-
лить станиц хотя бы приблизительно в таких размерах,

какие мы даем им на Северном Кавказе. Здесь сама природа указывает на необходимость хуторской жизни, отдельными хозяйствами, в виде ферм. Так жили и горцы, занимавшие это пространство; аулы их не составляли здесь сгруппированных селений, а состояли из хуторов, тянувшихся по всем ущельям, сколько-нибудь удобным для обработки. И не одним только способом размещения домов и распределением поземельной собственности по необходимости должны отличаться населения прибрежной полосы от станиц северного склона. Прибрежные жители вообще не могут находиться под теми условиями быта, под которыми живут казаки, населяющие северный скат хребта и прилегающие к нему степи. С одной стороны, гористая местность этого прибрежья будет всегда стеснять их в содержании конских табунов и в других способах хозяйства, необходимых для казаков; а с другой — море будет всегда манить их к таким занятиям, которые конному казаку совершенно не свойственны. Местность, климат и естественные произведения прибрежья — все способствует тому, чтобы здесь развились народонаселение промышленное и мореходное, в котором Россия несравненно более нуждается, нежели в увеличении числа казаков, и какие бы меры не употребляло правительство для того, чтобы сделать прибрежных поселян хорошими казаками, оно никогда этого не достигнет; тогда как для образования из них мореходцев, для развития между ними каботажного плавания нужно только одно: возможно большая свобода в занятиях этим промыслом и самое незначительное покровительство ему в начале.

Имея в виду эти обстоятельства, мне кажется совершенно необходимым с самого начала стараться направить будущее население восточного берега к промышленности мореходной, обязать его службой морской и сообразно с этим определить выбор мест для поселения приморских казаков, служебные обязанности их и самый род переселенцев.

Некоторые соображения по этому предмету были еще в прошлом году сообщены командующему войсками Кубанской области для того, чтобы он составил о них свое мнение; но генерал-адъютант граф Евдокимов, недовольно еще ознакомившийся в то время со свойствами местности прибрежной полосы, полагал возможным заселить ее на тех же основаниях, на каких заселяется северный

склон, ссылаясь на то, что переселенцы в первое время, до окончательного изгнания неприятеля, должны будут содержать кордоны около своих станиц и что если гористая местность не препятствовала горцам быть на конях, то и казакам не помешает нести конную службу.

Теперь по ближайшем ознакомлении с местными условиями и с образом жизни самих горцев, населявших прибрежную полосу, командующий войсками Кубанской области совершенно изменил свой взгляд на этот предмет и ходатайствует:

1. Чтобы по совершенном очищении прибрежной полосы от горцев, прикрыть ее со стороны убыхов, по реке Мокупсе или Псезуапсе, сильным кордоном, который, упираясь одним флангом в море, а другим — в снежной хребет, на протяжении не свыше 40 верст может совершенно закрыть эту полосу от хищнических покушений.

2. Чтобы все земли прибрежной полосы от Геленджика до новой границы разбить на участки и раздать в частную собственность лицам разных сословий, в том внимании, что казачий элемент не представляет выгодных условий для скорого развития края в промышленном отношении, а в случае войны казаки даже подвергнутся враждебным действиям со стороны неприятеля, как население вооруженное, чего при нынешних понятиях о войне нельзя ожидать, если край этот будет иметь население исключительно гражданское.

3. Чтобы все 3500 семейства, предназначенные к возвращению в новых станицах на Западном Кавказе в будущем 1864 году, поселить на северном склоне, на пространстве между рекой Пшишем и рекой Иль, и таким образом связать окончательно все закубанские станицы сплошным казачьим населением, оставляя затем колонизацию юго-западной покатости до 1866 года, когда решатся окончательно вопросы, возбужденные по этому предмету.

Первый пункт этого ходатайства я предписал графу Евдокимову приводить теперь же в исполнение, но при этом имею в виду, не останавливаясь на предложенной им кордонной черте, очистить и землю убыхов. По всем имеющимся сведениям, большинство этого народа, по выселении абадзехов, не может существовать на занимаемом ими пространстве, если бы и пожелало подчиниться всем нашим требованиям, потому что почти весь скот убыхский постоянно находился на северном склоне на пастбищах, которые принадлежали абадзехам, а

теперь отойдут под наши казачьи станицы, на зиму же скот этот прогонялся даже на плоскость в долину Псекупса. Многие из значительных семейств убыхских, чувствуя свое бессилие, уже начинают выселяться в Турцию, оставлять затем на берегу 3 или 4 тыс. семейств полудиких, до фанатизма враждебного нам населения было бы нерасчетливо. При каком бы ни было управлении оно не скоро еще отвыкнет от разбойничества и вынудит нас содержать усиленные кордоны не только в прибрежной части края, но и в верхних станицах северного склона гор. Сверх того, в случае внешней войны это население всегда будет составлять приманку для неприятеля и работу для нас. А потому, чтобы очистить и это пространство, я полагаю в конце будущего апреля или в начале мая сделать высадку у Сочи и открыть оттуда наступление навстречу войскам графа Евдокимова, которые будут подвигаться со стороны Туапсе или от Псезуапсе. В то же время, если обстоятельства дозволят, третий отряд начнет наступление и разработку дороги от крепости Гагры в землю джигетов.

Обращаясь к второму и третьему пунктам представления графа Евдокимова, я соглашаюсь с необходимостью связать поселения северного склона сплошной линией станиц на пространстве между рекой Пшишем и рекой Иль и с невозможностью устройства на прибрежной полосе станиц, наделенных землею в общинное пользование, как это делается на северном склоне. Затем будет ли вся прибрежная полоса предназначена к занятию казачьим населением или часть ее будет предоставлена населению гражданскому, считаю необходимым не оставлять ее пустою, а теперь же, по мере возможности, занимать вооруженным населением, по крайней мере в некоторых важнейших долинах. Без этой меры в страну эту нельзя будет привлечь гражданское население в течение десятков лет. Грозный вид местности, недостаток сообщений и самая слава этого негостеприимного прибрежья, столько лет недоступного для мирной жизни, долго будут отнимать у мирных жителей охоту и решимость поселиться в ней, и даже нет сомнения, что многие из горцев, выселенных теперь на плоскость, сумеют пробраться туда и в труднодоступных ущельях, пользуясь их пустынностью, снова заведут свои разбойничьи притоны. Казачьи же поселения, будут ли они расположены станицами или хуторами вдоль ущелий, послужат точками опоры и ру-

чательством безопасности для гражданского населения и скорее привлекут его в эти места. Поэтому я предпосыпал графу Евдокимову из числа ныне назначенных поселенцев отделить хотя 200 или 300 семейств, если возможно из числа желающих для поселения в удобнейших пунктах очищенного уже прибрежья, где возможно поселками, а в случае нужды — даже хуторами, предоставив им самим определить на первое время выгоднейший способ пользования землею.

Оставаясь при мнении, что для нас было бы всего выгоднее в береговой полосе вооруженное население так устроенное, чтобы в нем могли развиться торговая и мореходная промышленность, я полагал бы, что контингент для такого населения нам всего удобнее взять: а) из Азовского казачьего войска, которое, в течение десятков лет неся службу исключительно на морских баркасах, заключает в себе много людей, привычных к морю и к службе, б) из служащих во флоте семейных матросов, сделав для этого вызов желающих на тех же основаниях, как делается вызов нижних чинов кавказской армии. Эти люди сделались бы первыми учителями береговых казаков, а сии последние со временем, когда население упрочится, могли бы с лихвою отплатить русскому флоту за эту помошь в настоящее время, и в) из Уральского войска, в котором рыболовство также развило много людей, привыкших к морю.

Принимая в соображение, что местность прибрежной полосы еще не вполне нам известна и что поэтому в предстоящую весну можно определить только некоторые, наиболее важные и наиболее удобные пункты для заселения, я полагал бы в будущем 1864 году поселить там не более 300 семейств, отложив заселение в более обширных размерах до 1865 года, а к тому времени, сколько возможно подробнее исследовать этот край и разработать, сколько окажется возможным, сообщения между различными его частями.

Переселенцев, которые будут водворены в прибрежной полосе, не обязывать к конной казачьей службе, а по мере возможности приучать к службе морской. Для этой цели я считал бы полезным заведывание ими с самого начала поручить морским офицерам, которых командировать по выбору Морского министерства в распоряжение командующего войсками Кубанской области на первое время, хотя в числе трех человек. Сверх того, для

каждой станицы, разумея здесь под этим названием совокупность поселков и хуторов каждой долины, назначить один казенный баркас с тем, чтобы в то время, когда сухопутные станицы формируют строевые сотни, станицы прибрежные формировали бы баркасные команды для постепенного приучения казаков к баркасной службе. При выборе мест для водворения поселений избегать расположения их на самой черте морского берега, где от застоя речной воды климат весьма вреден, тогда как в версте от берега жители пользуются климатом совершенно здоровым. Первоначально заселить военным поселением только главнейшие из долин, имеющие более удобные бухты и представляющие более простора для устройства полей, потому что в первые годы густого населения по берегу нам нет нужды иметь, т. к. оно не будет подвержено ни малейшей опасности со стороны неприятеля. Впоследствии же пространство это может быть доселено постепенно охотниками, при помощи которых мореходство разовьется скорее, нежели при гуртовом назначении поселенцев.

Сообщая изложенные предложения мои Вашему пре-восходительству для представления их на высочайшее возврение, я прошу Вас, если его величеству угодно будет их одобрить, не отказать Вашим содействием для приведения их в исполнение.

Об административном разделении береговой полосы, об обязанностях службы, какую можно будет возложить на береговых казаков, об устройстве таможенной линии вдоль восточного берега я не считаю возможным входить с представлением до тех пор, пока заселение этого пространства не будет осуществлено и точнее не определятся все обстоятельства, которые должны служить основанием этих соображений.

№ 24

1864 года марта 4-го. Отношение
генерал-фельдцейхмейстера великого князя
Михаила Николаевича военному министру
о завершении заселения предгорной зоны
и об успешных действиях Даховского
и Джубгского отрядов

Надпись на документе

*Собственnoю его величества рукою написано:
«Слава Богу». Подписан генерал-адъютант
Милютин. 14 марта.*

Прошу Ваше превосходительство доложить его императорскому величеству, что задача, возложенная на кавказскую армию высочайше утвержденным положением о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта, исполнена. Все пространство северного склона к западу от реки Лабы и южный склон от устьев Кубани до бывшего укрепления Вельяминовского очищены от неприязненного нам населения.

Племя больших шапаров, за исключением той части его, которая переселена на Кубань, удалилось в Турцию. Абадзехи, сжатые казачьими станицами и отрезанные от гор отрядами наших войск, поставлены были в невозможность отказаться от исполнения наших требований, в течение прошедшего февраля они оставили свои аулы и все до последнего с семействами и со всем имуществом перешли на указанные места — одни для водворения на Прикубанской равнине, другие для переселения в Турцию. Во второй половине февраля войска Даховского и Джубгского отрядов под личным начальством генерал-адъютанта графа Евдокимова двинулись от верховьев Пшиша и Псекупса через Главный Кавказский хребет в долину Туапсе. Невзирая на все трудности, какие представляет теперь перевал, покрытый еще не тронувшимися массами снега, колонны наши 23 февраля достигли устья Туапсе и заняли бывшее укрепление Вельяминовское, с потерей 2 убитых и 3 раненых. Все племена от Туапсе до реки Псезуапсе безусловно покорились.

Все очищенное пространство как северного, так и южного склона хребта, с наступлением весны будет занято казачьими станицами, места для которых уже большую частью избраны.

№ 25

1864 года марта 26-го. Отзыв командующего
Кавказской армией великого князя
Михаила Николаевича военному министру
с изложением результатов действий генералов
Геймана и Евдокимова по изгнанию адыгов и мер,
принимаемых для перевозки черкесов, и о переходе
войск в убыхские земли

Для ближайшего разъяснения настоящего положения дел в Кубанской области и в прибрежной части Кутаисского генерал-губернаторства и для определения на основании этого будущих наших действий я потребовал в Тифлис Командующего войсками Кубанской области и Кутаисского генерал-губернатора.

Генерал-адъютант граф Евдокимов лично доложил мне, что в Кутаисской области на северном скате Кавказского хребта нет более вооруженного неприятеля; на южном склоне, к восточному берегу Черного моря до реки Псезуапсе, вся местность очищена от горцев. Те из них, которые не захотели селиться на Кубани, опустились по требованию нашему к морскому берегу в назначенные для них пункты и только ждут судов для переезда в Турцию. По донесениям отрядных начальников, перевозка покуда производится только на турецких кочермах и одном турецком же пароходе, который приискал нам трапезундский консул. Несмотря на ограниченность этих средств, из Туапсе в течение нынешнего месяца отправилось 14 тыс. душ.

Из устьев Джубги, укрепления Константиновского, Анапы и Тамани переселение производится хотя и в меньших, но все-таки весьма значительных размерах.

Отряд генерала Геймана, очистив все пространство между Туапсе и Псезуапсе и истребив все аулы, лежащие по течению этих рек и промежуточных притоков, занял 16-го числа бывший форт Лазарев. Все население шансугов до реки Шахе изъявило безусловную покорность, и 19-го числа генерал Гейман занял бывшее укрепление Головинское.

При движениях своих для исполнения возложенных предприятий генерал Гейман до 15 марта имел только одну жаркую перестрелку с партией убыхов, стоившую нам 11 раненых. По занятии Головинского укрепления отряд генерала Геймана должен был подняться вверх по

реке Шахе, (граница между шапсугами и убыхами) и истокам ее, получающим начало с вечных снегов горы Оштек, и устроить временную кордонную линию для того, чтобы прикрыть ею предположенные к водворению в нынешнем же году поселения наши по Туапсе и далее к северу на берегу моря. Затем, уничтожив все остатки поселений между Шахе и Псезуапсе, в конце апреля отряд этот предполагалось двинуть далее, а именно, поднявшись по реке Шахе, он должен был спуститься или в верховья Сочи, или, обойдя исток этой реки, берущей начало во втором хребте, прямо вступить в верховья Мзымты. Там же должен соединиться с ним отряд генерала Граббе, который теперь разрабатывает колесную дорогу по реке Пшишу в вершину Туапсе, а по разработке перевала оставит на Туапсе 4 батальона и перейдет в верховья Белой с тем, чтобы в начале мая перейти Главный хребет около горы Оштек. Усилив частью своих войск генерала Геймана и открыв ему сообщение по реке Белой, генерал Граббе перейдет в верховья Малой Лабы и, соединившись с войсками, теперь разрабатывающими дорогу по ущелью этой реки, двинется в долину Верхней Бзыби, а оттуда, выгнав население общества Псху, будет прокладывать дорогу к Сухуму.

В то время, как войска графа Евдокимова будут, таким образом, теснить неприязненное нам население с северо-востока, в половине апреля 6 батальонов Кутаисского генерал-губернаторства вступят от Гагр в землю джигетов, а между 25-м и 30 апреля 8 батальонов Кавказской Гренадерской дивизии с 8 орудиями высадятся с моря в середину земли убыхов.

Я уверен, что совокупное появление таких сил с разных сторон будет достаточно для того, чтобы отнять у ничтожных по числу, хотя и упорных во вражде с нами убыхов и других племен, всякую надежду на успех сопротивления и что если какие-либо посторонние обстоятельства не замешаются в этом деле, то война Кавказская должна будет окончиться в самом непродолжительном времени. Но как непременным условием окончания этой войны должно быть совершенное очищение восточного Черноморского прибрежья и переселение горцев в Турцию, то вопрос о времени окончания войны при настоящих обстоятельствах приводится к тому, во сколько времени успеем мы отправить в Турцию враждебное

нам население. Хотя теперь, благодаря усердию и распорядительности коллежского советника Мошина, все каботажные средства Анатолийского прибрежья направлены к этой цели, но все же одних этих средств недостаточно. Поэтому я вошел в сношение с Русским обществом пароходства и торговли о назначении для этой цели еще одного или двух пароходов и полагаю употребить еще часть военных транспортов. Все это, надеюсь, поможет к достижению цели, но не могу скрыть от Вашего превосходительства, — потребует и расходов, не вошедших в смету.

Я убедительно прошу Ваше превосходительство исходить действовать высочайшее соизволение на подобные расходы, в которых я буду соблюдать возможную бережливость, но в то же время должен иметь и необходимую свободу. Я полагаю, что подобное разрешение будет выгодно и в финансовом отношении, потому что всякая издержка, сделанная для того, чтобы ускорить окончание войны, будет стоить государству значительно дешевле продолжения военных действий.

№ 26

1864 года мая 20-го. Выписка из письма российского консула в Трапезунде начальнику главного штаба Кавказской армии Карцову о наступлении завершающего периода в выселении черкесов

Я имел честь получить лестное письмо Вашего превосходительства от 11 мая и спешу Вас благодарить за Ваше постоянное расположение ко мне.

Я очень рад, что переселение приходит к концу, и нет надобности мне ехать в Константинополь, откуда, впрочем, посланными мной в свое время агентами отправлено уже более 50 парусных судов за переселенцами. На днях прибыло сюда еще несколько тысяч черкесов, так что теперь в Саридере находятся около 40 тыс. переселенцев, в Акчассале — более 30 тыс. Общая цифра переселившихся в Турцию черкесов превышает 200 тыс. Доктора сильно побаиваются за дизентерию, тем более, что теперь наступает время фруктов. Дай Бог, чтобы миновала эта болезнь, а то и горцам, и нам достанется от нее, ибо при огромной численности переселенцев болезнь может принять заразительный характер.

№ 27

1864 года мая 21-го. Приказ по Кавказской армии
с извещением об окончании покорения
Западного Кавказа

С чувством искренней радости и уважения к доблести Вашей поздравляю: Вас, войска Кавказской армии, с покорением Западного Кавказа и с окончанием Кавказской войны.

Своим мужеством в боях, своей беспримерной твердостью в перенесении тяжелых трудов и лишений сослужили Вы Государю и отечеству великую службу: ни ужасы диких недоступных горных убежищ, ни отчаянное сопротивление обитателей их, ни суровая стужа, ни палиящий зной, — ничто не остановило Вас, все преодолели Вы в течение многих лет, не слабея духом, запечатлевая потом и кровью каждый шаг, и достигли цели.

Слава Всевышнему и венчавшему Ваши усилия, слава и признательность отечеством — покорители Кавказа! Вечная память павшим товарищам Вашим, не дождавшимся настоящей радостной минуты.

Подписал Глав. Армиею г.-фельдцейхмейстер *Михаил*

№ 28

1864 года мая 23-го. Отношение
Главнокомандующего Кавказской армией военному
министру Милитину с описанием действий войск
по окончательному выселению черкесов
(приводятся цифры)

В отзыве моем, отправленном в прошедшем марте месяце, после посещения Даховского отряда, я просил Ваше превосходительство довести до сведения государя императора, что невзирая на покорность, изъявленную депутатами от всех непокорных кавказских племен, я не мог считать войну оконченной до тех пор, пока войска наши не пройдут по всем ущельям, обитаемым горцами, и не заставят их исполнить данные мне обещания. С этой целью я, согласно изложенному в отзыве моем предположению, направил в непройденное еще войсками пространство южного склона, заключающееся между реками Сочи и Бзыби, четыре самостоятельные колонны: первую — из 27 рот Кавказских линейных батальонов Кутаисского генерал-губернаторства, 4 подвижных орудий Сухумской крепостной артиллерии и сотни Цебельдинской милиции от Гагр

в долину реки Псоу и далее вверх по этой реке; вторую (десантную) – из 8 батальонов Кавказской гренадерской дивизии, 4 горных орудий, 4 сотен пешей милиции и 1 сотни Кутаисского конно-иррегулярного полка под начальством генерал-лейтенанта князя Святополк-Мирского морем из Сухуми к Адлеру и оттуда вверх по реке Мзымте; третью – генерал-майора Геймана из 4 батальонов, 2 горных орудий, сотни казаков и сотни милиции от поста Кубанского вверх по реке Сочи и далее от верховьев Сочи параллельно Главному Кавказскому хребту через земли горных убыхов и общества Цвиж в верховья Мзымты; четвертую – (6 батальонов, 2 сотни казаков и сотни милиции) из верховий Малой Лабы через перевал Главного Кавказского хребта в верховья реки Мзымты. Все четыре колонны, следя по указанным направлениям, должны были очищать край от местного населения и сосредоточиться в земле общества Ахчипсху, занимающего весьма обширную верхнюю котловину реки Мзымты, с двух сторон окруженнную снеговыми горами, а с других замкнутую еще более затруднительным лесистым хребтом, сквозь которой прорывается река Мзымта, образуя буквально недоступное ущелье.

Из всех колонн только первая встретила сопротивление. Начав движение в первых числах апреля, она разработала дорогу от Гагр в долину Псоу и в первых числах мая поднялась к верховьям этой реки, также вытекающей из замкнутой котловины, в которой жило хищническое общество Аибю, образовавшееся из беглецов разных племен и жившее исключительно хищничеством. Заградив теснину, в которую прорывается река Псоу, засвалами и сбрасывая на войска камни с утесов, горцы сделали совершенно невозможным дальнейшее наступление этой колонны без весьма чувствительных потерь.

Остановка наступления и даже малейшее промедление могло отразиться весьма невыгодно для нас на соседних племенах, еще не тронувшихся с мест своего жительства. Поэтому я приказал отрядить от войск генерал-лейтенанта князя Святополк-Мирского 12 рот гренадер с 2 сотнями милиции и направил их под начальством генерал-майора Батезатула по гребню хребта из долины Мзымты в тыл занятой горцами тесниной. Движение этой колонны положило конец сопротивлению, и общество Аибю уже выселено на берег моря. Успех, здесь одержанный, и одновременно с ним появление колонны генерал-майора Граббе, спустившегося уже 12-го числа с Главного хребта, вынудили жителей Ахчипсху, до тех пор еще

остававшихся в своих аулах, выйти к морю. К 18-му числу через хребет, замыкающий Ахчипсхувскую котловину с юго-восточной стороны, кончена была выочная тропа и 20-го в середине котловины Ахчипеху сосредоточились все 4 колонны, выступившие сюда по 4 разным направлениям.

Таким образом, в настоящее время уже на всем Западном Кавказе не осталось более ни одного непокорного общества и война Кавказская окончена.

Если некоторым десяткам отдельных семейств или бездомных бродяг и удалось укрыться от наших войск в обширных лесах и мелких горных ущельях, то они будут уничтожены обыкновенными военно-полицейскими мерами или самим населением нашим и не потребуют военных действий.

Из числа горцев, изъявивших желание переселиться в Турцию, осталось в различных пунктах берега уже не более 30 тыс. душ обоего пола. Число уже переселившихся в Турцию в течение зимы и весны можно считать между 200 тыс. и 250 тыс. душ, из них 160 тыс. душ вышли на Анатолийский берег. Число оставшихся у нас и водворенных на Кубани абадзехов, шапсугов и натухайцев простирается до 40 тыс. душ обоего пола.

Успешное окончание Кавказской войны покорением Западного Кавказа ставит меня в обязанность просить Ваше превосходительство исходатайствовать для меня высочайшее разрешение, независимо от представления главных деятелей, и наиболее отличившихся представить к наградам из части войск, участвовавших в покорении Западного Кавказа, а также войти с представлением о награде всех, кто будет признан достойным, в таком же размере, в каком разрешено было в 1859 году за покорение Восточного Кавказа.

№ 29

1864 г. ноября 8. Рапорт начальника Даховского отряда генерал-майора Геймана, временно командующему войсками Кубанской области, с подробным описанием пространства между Туапсе и Шахе и результатов экспедиции отряда на южный склон Кавказского хребта

Вследствие разрешения его императорского высочества главнокомандующего Кавказскою армиею, команду-

ющий войсками Кубанской области от 18 сентября за № 1145 предписал мне в октябре месяце текущего года произвести движение мелкими колоннами для осмотра всего вновь приобщенного, но еще не заселенного края между реками Туапсе и Бзыбью, стараясь, насколько возможно, уничтожить те мелкие остатки горцев, которые остались в труднодоступных складках Главного хребта.

Прежде описания экспедиции, предпринятой мною согласно воле его императорского высочества на южный склон Кавказского хребта, я считаю не лишним представить положение страны, в которой мне приходилось действовать.

Горное и труднодоступное пространство между Туапсе и Шахе было заселено до наших настоящих действий Даховского отряда небольшими остатками горских обществ, по преимуществу группирующихся в следующих местах: начиная от Туапсе по вершинам Пшинахо, Пшияхо, Кудесхаб и других речек жили горные шапсуги; в правом бассейне Аше — общество Наузей, в левом бассейне той же реки — общество Бекшей, при соединении обоих притоков Аше — общество Тхагабиш, между вершинами Аше и Псезуапсе — общество Хазитляж, в правом бассейне Псезуапсе на реках Хакучипсы, Хахушишко — Хакучи, в левом бассейне Псезуапсе в вершинах Чегмая — остатки шапсугского племени; затем земля, принадлежавшая собственно убыкам и джигетам, оказалась совершенно необитаемою. Разноплеменное население, оставшееся еще на нашей земле, хотя и было увлечено общей идеей переселения в Турцию, но по недостатку вначале перевозочных средств долгое время должно было оставаться на берегу; между тем деревья одевались листвой и в некоторой части скопившегося на берегу населения родилась надежда, прикрываясь труднодоступной в летнее время местностью, удалившись в горы, посеять хлеба, собрать запасы и предпринять переселение не ранее будущей весны; большая часть из тех, которые решились привести в исполнение эту мысль, были люди бедные материальными средствами. Ими руководил простой расчет воспользоваться запасами, которые могли переселенцы перевезти с собой на берег, значительными пространствами земель, оставшимися свободными для возделывания, и спокойно провести зиму.

Кроме этих людей, остались еще в горах и по преимуществу в ущельях у подножия Главного хребта люди, не

захотевшие признать факта совершенного нами завоевания.

Дикие, живущие в едва доступных местностях, лишенные всякой общественной организации, не имевшие религиозной связи с остальными племенами и говорившие, кроме наречия адыге, еще своим собственным языком, они, опираясь на одну местность, всегда сохраняли в отношении своих сильных соседей полную независимость. Убыхи и шапсуги постоянно имели столкновения, не всегда для них удачные, с грабившими их Хакучами, Наузей и другими мелкими горными обществами.

Весной текущего года важные события, завершившие собой покорение всего Западного Кавказа, не позволили отвлечься более мелкими целями. Хакучи, Наузей и другие племена, часть которых также переселилась в Турцию, оставались нетронутыми и спокойными, они ничего не предпринимали против наших войск.

Летняя экспедиция в центр общества Хакуч и поражение, ими понесенное, заставили их расселиться по лесам и трущобам.

Едва доступная местность, густые леса, покрытые листвой, и другие препятствия, против поставляемых природой, не позволили войскам Даховского отряда в течение лета осмотреть во избежание могущих быть значительных потерь части горного пространства и прилегающего к Главному хребту.

Итак, в предстоящей экспедиции пришлось иметь дело, во-первых, с людьми, оставшимися на нашей земле в надежде будущей весной переселиться в Турцию, и, во-вторых, с дикими, в некоторых местах еще не тронутыми племенами; к сожалению, как с первыми, так и со вторыми пришлось действовать силою оружия.

Вступать в переговоры было не с кем: разбросанное на большом пространстве население жило отдельными семьями, сколько-нибудь влиятельные старшины выселились в Турцию, притом же и те, которые остались с мыслию будущего переселения, увлеченные примером Хакуч, Наузей и других и обеспечившись запасами, повели жизнь разбойничьих, что выразилось происшествиями на Хакучинской кордонной линии.

По полученным мною достоверным сведениям, оказалось, что вся часть края южнее реки Шахе совершенно не обитаема, следовательно, театр военных действий

ограничивался пространством, заключающимся между реками Шахе и Туапсе.

Таким образом, военные действия должны были проходить в бассейнах рек Аше, Псезуапсе и Шахе, берущих свое начало из Главного хребта и особенно замечательных по своей соровости и дикости.

Летучий Даховский отряд сформировался на северном склоне из 18 стрелковых рот и 1 сотни казаков...

Войска летучего Даховского отряда в течение экспедиции понесли следующие потери:

убитых нижних чинов	2
раненых офицеров	1
нижних чинов	1
выпущено патронов	13 046
разбито капсюлей	15 818
сорвалось с кручи и утонуло	
лошадей	20
упущено ружей при перевозах	14
утонуло патронных выночных ящиков	6

Горцы понесли громадные потери, от которых они уже не в состоянии оправиться. Более 50 тел осталось в наших руках, 63 человека взяты в плен, отбито более 1500 рогатого скота.

Аулы и запасы хлеба и фруктов выжжены; с достоверностью можно полагать, что население должно будет в течение зимы или умереть с голоду, или выйти к нашим приморским пунктам для переселения в Турцию, ручательством за возможность последнего могут служить прилагаемые при сем копии и переводы с письма ко мне Нуэрет-Паши и моего ответа.

Остающиеся еще на нашей земле население крайне бедно, по рассказам пленных, имеет оружие едва только десятая часть; запуганное настоящими движениями и действиями, оно рассыпалось поодиночке и едва ли превышает цифру 700 семейств, лишенных крова и всех запасов.

Для того чтобы не дать им опомниться, я предложил полковнику Жуковскому, о чём я уже имел честь доносить Вашему превосходительству, сформировать из оставшихся на береговой линии пеппера № 5 батальона Кубанского казачьего войска и Кавказского линейного № 2

охотничьей команды, которые и посыпать еженедельно во внутрь края по указанным мною направлениям.

Считаю необходимым прибавить, что хотя остающееся на нашей земле население совершенно безопасно для нас и, конечно, выселится в Турцию, но между ними, вероятно, найдутся несколько семейств и одиноких людей, которые не захотят покинуть родину, уничтожение и изгнание подобных личностей может произойти только, как я уже имел честь доложить, с введением нашей колонизации.

Полагаю не лишним в начале весны будущего года, не посыпая на южный склон частей регулярных войск, сформировать из казачьих пеших батальонов до 1 тыс. человек пластунов, которые могли бы еще раз пройти по горной полосе вновь приобщенного края.

№ 30

1863–1864 годы. Колонизация Северо-Западного Кавказа в 1864 году и переселение черкесов в Турцию (из отчета Евдокимова)

Колонизацией нынешнего года занято в Закубанском крае пространство на северном склоне от реки Афипса до Пшиша, а на южном – от Геленджика до Туапсе.

Колонизация эта, связав сетью станиц пространство между Пшишем и Афипсом с районами полков № 26 и Абинского и положив основание наших поселений на южном склоне, упрочивает за нами навсегда обладание Западным Кавказом.

На колонизируемом пространстве возведено 52 станицы и 3 поселка с расселением в них 4374 сем. разного рода переселенцев: казаков Кубанского войска – 2438, Донского – 200, Азовского – 339, Оренбургского – 425, Уральского – 1, женатых нижних чинов Кавказской армии – 217, государственных крестьян по назначению начальства – 477, временно-обязанных крестьян войска Донского – 17, охотников разных сословий – 12, мещан гор. Николаева и отставных и служащих матросов – 166, при 43 офицерских и 31 священнических; все означенные переселенцы в настоящее время уже прибыли в назначенные для них места, за исключением Оренбургских переселенцев, находящихся в пути.

Из вновь возведенных станиц на северном склоне сформированы два отдельных конных полка, № 27 из

19 станиц на пространстве между реками Пшишем и Псекупсом, и Псекупский из 15 станиц и 3 поселков между реками Пшишем и Афипсом; 4 новые станицы на реке Иле и Убине присоединены к Абинскому полку, а 2 — на Белой и Сохрае к № 24; 12 станиц южного склона образуют отдельный Шапсугский береговой полк.

На приложенной отчетной карте нанесены все новые станицы, с обозначением районов полков, а в ведомости, прилагаемой к отчету, показаны число и род водворяемых в них переселенцев.

В новых полках и вошедших в состав их станиц учреждены полковые и станичные правления, открывшие уже свои действия. Конные полки: № 27 и Псекупский, по числу водворенных в них семейств, без затруднения будет выставлять 6 строевых сотен, а Шапсугский береговой, стрелковые части и береговые команды — согласно тем правилам, какие будут утверждены в составляемом для береговых полков положении. От присоединения к Абинскому полку 4 новых станиц народонаселение оного в состоянии будет выставить 6 сотен вместо выставляемых этим полком 5 сотен.

Об утверждении работ вновь сформированных полков, названии станиц и образовании из них строевых частей делается представление.

Непосредственное наблюдение за колонизацией 1864 года было возложено на наказного атамана Кубанского казачьего войска, который, по нахождению в Екатеринодаре, в недальнем расстоянии от колонизируемого пространства, имел возможность следить за успешным направлением и ходом этого важного дела, потерявшего свое военное значение за уходом горцев в Турцию, но тем не менее требовавшего особого внимания и деятельности, исключительно направленной к представлению переселенцам наивозможно больших средств к обеспечению их водворения и устройству быта на новом месте жительства.

В ведение наказного атамана переданы были все суммы, ассигнованные на устройство станиц в 1864 году, и назначены войска из пехоты и конных сотен для проложения колесных дорог между новыми станицами, где та-ковых не было, и для оказания помощи жителям при возведении домов, а также для полицейских надобностей.

Так как вследствие покорения Западного Кавказа обстоятельства, при которых производилась колонизация

настоящего года, совсем не те, при каких мы колонизировали Закубанский край в прошлые годы, то выбор мест для станиц, размещение переселенцев и самое устройство станиц произведены под условием мирного времени; с удалением из края враждебного нам населения сложные требования, сопровождавшие возведение станиц в прошлые годы, не имели ныне места. Станицы 1864 года возведены без оград и артиллерийского вооружения в местах, удовлетворяющих лишь хозяйственным и поземельным условиям, без соображения важности этих мест в военном отношении. Число дворов определялось смотря по обстоятельствам и удобству местности в хозяйственном отношении, причем допускалось образование отдельных поселков и хуторов.

Движение переселенцев на сборные пункты и оттуда в места водворения и распределение их, как на северном склоне, так и южном, согласно предварительно составленному расчету, производилось без всякого замедления и остановок. Переселенцы от сборных пунктов, под наблюдением офицеров, водворяемых вместе с ними, тотчас направлялись по назначению.

Переселенцы южного склона, несмотря на отправление их, во избежание расходов на морской переход, через вновь проложенные горные перевалы: Гойтхский, Шебашкий и Адербийский, передвижение это со всем имуществом и скотом совершили без особых затруднений.

Охотники, вызванные на поселение в Шапсугский береговой полк из мещан гор. Николаева и из отставных и служащих матросов (166 сем.), перевезены на морское побережье на казенных пароходах, по распоряжению главного командира Николаевского порта.

По прибытии переселенцев в места водворения им тотчас указывались усадебные места, дабы, не теряя времени, они могли заняться устройством своих жилищ и полевым хозяйством. В этом последнем отношении переселенцы 1864 года находились в самом благоприятном положении.

При изгнании горского населения в феврале и марте из мест, занятых теперь нашими станицами, войска в большей части случаев оставляли нетронутыми как аульные постройки, так и засеянные горцами поля, вследствие чего, переселенцы по прибытии могли тотчас же воспользоваться готовым сухим и прочным материалом для построек в свое время и собрать в поле засеянный хлеб.

Действительно, этими благоприятными обстоятельствами переселенцы воспользовались как нельзя лучше. В настоящее время у многих казаков запасы собранного хлеба не только достаточны на весь зимний период, но и для посевов в будущем году.

Кроме того, жители деятельно занялись заготовлением сена. Из готового же строительного материала усадьбы в станицах воздвигаются с такой быстротой, что есть надежда предполагать, что к зиме этого года большая часть вновь поселенных казаков будут жить в прочных и сухих хатах. Для помощи же переселенцам, где постройка замедляется от недостатка мастеровых и плотников, размещены регулярные войска, которые вместе с тем посылают от себя колонны для поимки одиноких горцев, скрывающихся в трущобах. Впрочем, в поимках этих принимают деятельное участие сами казаки, которые представляют всех захваченных горцев по начальству. Регулярные войска занимаются также проделыванием дорог между станицами в местах, где нет колесного сообщения.

Для обеспечения продовольствия переселенцев со времени прибытия их на сборные пункты устанавливалась правильная выдача провианта из ближайших магазинов.

Высочайше дарованные пособия выдавались по прибытии их на места водворения.

Для обеспечения здоровья переселенцев в каждом из новых полков учреждены лечебные округа, районы которых показаны на отчетной карте; в каждом лечебном округе под наблюдением медиков, назначенных медицинским начальством в новые полки, основаны аптеки, снабженные необходимыми медикаментами.

Духовное начальство с своей стороны, выслав большую часть назначенных в новые станицы священников, дало возможность жителям исполнять духовные требы.

Все исчисленные меры забот и попечений, принятые с самого начала колонизации нынешнего года, производящейся при благоприятных условиях мирного времени, дают право надеяться, что новое население, водворенное в богатых долинах обоих склонов хребта, при условиях труда, будет, несомненно, благоденствовать.

С 1861 года начинается беспрерывное переселение в Турцию в больших или меньших размерах народов Кубанской области, которые до сих пор не были под непосредственным нашим владычеством.

Колонизация 1861 года, занявшая течения Большой и Малой Лабы, а также отчасти и Ходза, поставила нас в прямое столкновение с абхазскими племенами: с остатками башильбаевцев, казильбековцами, тамовцами и баговцами и из племен адиге – бесленеевцами, занимавшими течение Ходза. Ввиду возводимых нами станиц им нельзя было оставаться на прежних местах жительства, а потому им было предложено перейти на указанные места или отправиться в Турцию в самый короткий срок. Дело началось с бесленеевцев, как с племени самого вредного и опасного для нас, дававшего всегда отличных воожаков в наши пределы и вообще предводительствовавшего набеги на наши границы. На мирный исход дела рассчитывать было нельзя, а потому они внезапно были окружены нашими войсками и выведены силой на Кубань, откуда 600 сем. отправились под конвоем в Турцию, согласно изъявленному ими желанию, а остальные 200 сем. поселились на указанных местах на левой стороне реки Кубани. За бесленеевцами очистили без сопротивления занимаемые ими земли выпесказанные абхазские племена и через горные перевалы перешли на южный склон, откуда уже уехали в Турцию.

Постройка в том же году станиц Губской, Нижне-Фарской и Кужорской подействовали прямо на черкесские племена, обитавшие в предгорном пространстве между Лабой и Белой. Беглые кабардинцы в числе 10 тыс. душ обоего пола первые вышли к нам и поселились на Ходзе на указанных местах; за ними последовало небольшое число темиргоевцев до 50 тыс. сем. Эти выходцы образовали ядро Прилабинского туземного населения, к которому стали присоединяться последующие выходцы из гор; впрочем, в низовьях Лабы в то время уже жила небольшая часть темиргоевцев.

Наконец, наступил 1862 год, самый тяжелый в нашей борьбе с туземцами Закавказского края, сделавший перелом войны на Западном Кавказе. В это время мы заняли под нашу колонизацию, с одной стороны, весь край до реки Белой, а с другой – от восточного берега Черного моря до Адагума, поставив таким образом натухайцев в кругу наших поселений. Такие действия имели прямым результатом стеснение всех абадзехов на пространстве между реки Белой и Супом. Разумеется, мохощевцы, егерукаевцы и темиргоевцы не могли более оставаться на занимаемых ими местах; из них незначительная только часть

вышла на Лабу, другие же ушли в общества верхних и нижних абадзехов, откуда в течение осени 1862 года, в числе около 2 тыс. сем., или примерно 15 тыс. душ обоего пола отправились на переселение в Турцию, т. к. они не могли найти себе свободной земли за Белой для поселения ввиду стеснительного положения самих абадзехов.

В том же 1862 году ушли в Турцию и остальные аба-зинцы: баговцы, баракаевцы и шахгиреевцы; незначительная только часть сих последних выселилась в наши пределы.

1863 год уже не имел характера сколько-нибудь упорной борьбы нашей с горцами Западного Кавказа; они упали совершенно духом и, колеблясь различными слухами, сами не знали, на что решиться. Колонизация наша подвинулась, с одной стороны до Пшечи и Пшиша, а с другой — поселением Абинского полка мы заняли предгорья от Адагума до Иля. Такая колонизация, соединенная с настойчивыми действиями наших отрядов, сгруппировала все почти население абадзехов между Пшишем и Псекупском и поставила их в самое тяжелое положение. Шапсуги тоже должны были уступить силе обстоятельств: небольшая часть их выселилась на Кубань, большая же часть оставалась некоторое время в горных трущобах края, но преимущественно спустилась на южный склон, откуда осенью того же года по частям стала отправляться в Турцию.

В этом же году, наконец, было приступлено к настойчивому переселению в большие аулы натухайцев и тех бжедугов, которые сего не исполнили.

Такое переселение они откладывали с 1859 года, со времени принесения покорности, и вынудили, наконец, понудительные меры. Самые недовольные из них стали отправляться в Турцию. По официальным, имеющимся у нас сведениям видно, что в 1863 годушло в Турцию до 300 сем., в числе 2517 душ обоего пола, керкенеевцев и хатукаевцев, составляющих отделы Бжедуговского племени. В это же время отправлено туда же генерал-майором Бабичем 4057 душ натухайцев с частью шапсугов с выдачей им некоторых пособий от казны.

Абадзехи, как сказано выше, поставленные в стесненное положение, стали группироваться между Пшишем и Псекупсом, но часть их, впрочем небольшая, начала выходить к нам на переселение в пределы Абадзехского округа. Не имея возможности сопротивляться, они вступи-

ли с нами в переговоры и, наконец, в октябре месяце минувшего года принесли безусловную покорность с единственной просьбой дозволить им оставаться на временном жительстве между Пшишем и Псекупсом до весны 1864 года, чтобы тогда уйти с большими удобствами на переселение в Турцию. Ввиду их крайности, а также, что не было настойчивой необходимости немедленного их переселения, просьба их была уважена и для временного управления ими учреждено Абадзехское приставство.

№ 31

Из воспоминаний И. Дроздова «Последняя борьба с горцами на западном Кавказе»

...В конце февраля (1864. – Д. К.) пшехский отряд двинулся к речке Мартэ, чтобы наблюдать за выселением горцев, а если понадобится, так и силою выгонять их...

Поразительное зрелище представлялось глазам нашим по пути: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуубыденные собаками; изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изнеможения и еще заживо делавшиеся добычей голодных собак. Живым и здоровым некогда было думать об умирающих: им и самим перспектива была не утешительнее – турецкие шкиперы из жадности наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочермы до берегов Малой Азии и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни. Волны выбрасывали трупы этих несчастных на берега Анатолии.

Едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество...

№ 32

Из книги Ф. Каница «Дунайская Болгария и Балканский полуостров»

...В начале 1864 года война велась обеими сторонами с беспощадною жестокостью. Ни суровая зима, ни бури

на черкесском берегу не были в силах прекратить кровопролитную борьбу. Не проходило ни одного дня без сражения. Страдания окруженных со всех сторон неприятелем адыгских племен, происходившие вследствие недостатка средств, пропитания и амуниций, превосходили... все что можно себе представить.

Между тем, как Австрия и Пруссия готовились вторгнуться в датскую Ютландию, между тем, как Россия вновь накладывала свою руку на бунтующую Польшу... исходил кровью на берегах Черного моря под мечом победителя, один из храбрейших на всем земном шаре народов...

№ 33

И. Н. Клинген. Основы хозяйства в Сочинском округе

...Эти воины-орлы, столь одаренные от природы, не хотели побрататься с православным народом, и государственная необходимость смела их одним могучим порывом. Исчезли горцы, но вместе с ними исчезло их знание местных условий, их опытность, та народная мудрость, которая у беднейших народов составляет лучшее сокровище, и которого не должен брезговать даже самый культурный европеец... Черкесы страстно любили свою родину, а им предлагали переселиться в равнины; еще вдвое более, чем родину, они любили свободу, а враги уверяли их, что Россия отымет у них их вольности. Предстояло или смириться, или погибнуть; они предпочли погибнуть, а с ними вместе погибла и культура, которая копилась тысячами лет, и погибла в 30 лет.

№ 34

А. Ф. Лещенко. Из истории украинской колонизации Кубани. Труды Кубанского педагогического института

...Истребление и изгнание ногайского народа, а потом еще более многочисленного и культурного, адыгского – дела, достойные ассирийских завоевателей, Чингисханов и Тамерланов...

№ 35

Е. Вейт, Н. Зарифин.
Примечание к книге
Мустафы Кемалля «Путь новой Турции»

Политика атаманов Черноморского казачества, явившегося орудием царизма при завоевании Адыгейского края и вообще Кавказа, была такова, что лишала адыгов не только более или менее сносных условий существования под властью русского царизма, но ставила их даже под угрозу полного физического уничтожения. При таких условиях оставшиеся в живых адыги предпочли царскому подданству переселение в Турцию, с которой адыги были связаны издавна интенсивными торговыми сношениями, общностью культурно-бытовых условий, религией (ислам) и моральной поддержкой, а временами — и материальной, которой адыги пользовались в своей борьбе с царизмом...

№ 36

Г. К. Орджоникидзе.
Избранные статьи и речи

...Лет 50–60 тому назад царское правительство выгнало горцев из их насиженных мест, аулы горцев и их земли были предоставлены завоевателям-казакам. В течение этого периода царское правительство сознательно разжигало ненависть между горскими народностями, натравливая их одну на другую. Перед нами стал вопрос об искоренении ненависти горского населения к России, которую они отождествляли с царизмом. Нужно было пробудить среди населения братское чувство к России, которая стала Советской...

№ 37

Мухамедхар Хагундоко.
Адыги (черкесы). Их происхождение, история,
обычаи, традиции, эмиграция в Иорданию

...С 1864 года к адыгам применены различные методы жестокости, что вынудило их покинуть свою родину. Они

направились в страны Ближнего Востока, с которыми имели духовные и религиозные связи. Адыги вели борьбу с царскими захватчиками, защищая свободу и земли Родины. Русский царизм был несправедлив, жесток, и диктатор не обладал человечностью... Нужно сказать, что Османское государство подстрекало эмиграцию по политическим соображениям. Это намного способствовало расширению эмиграции, число эмигрантов-адыгов было 600 тыс. Османы хотели использовать адыгов на Балканах...

№ 38

ПОСТАНОВЛЕНИЕ Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны»

Столетняя колониальная Русско-Кавказская война (1760–1864), принесшая адыгам (черкесам) неисчислимые бедствия и страдания, не имеет аналогов в истории нового времени. Большая часть адыгского этноса, в том числе свыше 90 процентов населения Кабарды, была физически уничтожена, более 500 тыс. адыгов насильственно изгнано царским самодержавием в Османскую империю.

Давая историческую и политико-правовую оценку Русско-Кавказской войне, Верховный Совет Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики постановляет:

1. Считать массовое истребление адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны и их насильственное выселение с исторической родины в Османскую империю актом геноцида, тягчайшим преступлением против человечества.

2. Войти с предложением в Верховный Совет Российской Федерации рассмотреть вопрос о признании геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны и предоставлении их зарубежным соотечественникам двойного гражданства.

3. Поручить Президиуму Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР разработать программу мероприятий по реабилитации и репатриации зарубежных адыгов (черкесов).

4. Добиваться для зарубежных адыгов (черкесов) через Верховный Совет Российской Федерации и соответствующие международные организации статуса народа-изгнанника.

5. Объявить 21 мая, День памяти адыгов (черкесов) — жертв Русско-Кавказской войны, нерабочим днем.

гор. Нальчик, 7 февраля 1992 года

Председатель Верховного Совета
Кабардино-Балкарской ССР
Х. Кармоков

№ 39

ОБРАЩЕНИЕ
Парламента Кабардино-Балкарской Республики
к Совету Федерации и Государственной Думе
Федерального Собрания Российской Федерации

21 мая 1994 года исполняется 130 лет со дня окончания Русско-Кавказской войны. Война, прошедшая через судьбы нескольких поколений черкесского (адыгского) народа, принесла ему неисчислимые бедствия и страдания; значительно сократилось жизненное пространство, сожжены и уничтожены сотни аулов, физически истреблено $\frac{9}{10}$ населения. Большая часть оставшихся в живых была насильственно выселена с исторической родины в Османскую империю. В результате некогда многочисленный адыгский народ оказался на грани исчезновения.

Несмотря на тяжкие лишения, выпавшие на его долю по вине царизма, черкесский (адыгский) народ никогда не противопоставлял себя русскому народу и не отождествлял его с царским самодержавием. Свидетельство тому — традиционно доброжелательная атмосфера, которая отличает Кабардино-Балкарию, как и другие регионы проживания адыгов, в самые различные периоды истории.

Торжество исторической правды в политической жизни России — одно из несомненных достижений демократических преобразований в нашей стране. Время требует сказать полную правду, восстановить историческую справедливость в отношении черкесов (адыгов), подвергшихся геноциду и изгнанию с родных земель в результате Кавказской войны.

Парламент Кабардино-Балкарской Республики обращается к депутатам Совета Федерации и Государствен-

ной Думы Федерального Собрания Российской Федерации с призывом дать правовую и нравственную оценку последствиям Кавказской войны, признать геноцид черкесского (адыгского) народа, всемерно способствовать в получении им статуса народа-изгнанника, оказать содействие потомкам депортированных адыгов, желающих вернуться на свою историческую родину.

гор. Нальчик, 12 мая 1994 года

Парламент Кабардино-Балкарской Республики

№ 40

ЗАЯВЛЕНИЕ

Международной Черкесской Ассоциации

130 лет назад завершилась Русско-Кавказская война. Как и всякая война, она принесла участвовавшим в ней народам неисчислимые страдания и бедствия. Но больше всех в ней понес потери адыгский (черкесский) народ.

Он был согнан с плодородных земель и стал народом-скитальцем, народом-изгнаником.

Если сейчас на исторической родине проживает всего около 700 тыс. черкесов, то за рубежом их несколько миллионов.

Исторические процессы необратимы, но в памяти народной совершенная несправедливость не забывается.

Адыгский (черкесский) народ ныне нуждается в одном: в признании несправедливо совершенных действий, закреплении за ним статуса народа-изгнанника, восстановлении его естественного права на общение с исторической родиной, на возвращении тех, кто имеет желание вернуться домой, к родственникам, жить и умереть в родных краях.

Международная Черкесская Ассоциация, выступая за целостность и единство России, считает необходимым в эти памятные и скорбные дни обратиться к Президенту Российской Федерации, Федеральному Собранию, Правительству Российской Федерации с просьбой оказать необходимую помощь адыгскому (черкесскому) народу в духе высказанных выше предложений.

Май 1994 год

Исполком Международной Черкесской Ассоциации

№ 41

ТЕЛЕГРАММА

Его превосходительству
министру Российской Федерации
Юрию Хамзатовичу Калмыкову, Президенту
Всемирной черкесской ассоциации

Уважаемый Юрий Хамзатович!

Рад сообщить о том, что единодушным решением руководства комитета организаций непредставленных наций и народов (ОННН) черкесский народ принят в полноправные члены организации непредставленных наций и народов на своем заседании, которое проходило 16–17 апреля в Гааге, Нидерландах.

Надеюсь, настоящее письмо застанет Вас и все Ваше семейство в добром здравии.

Счастлив от сознания того, что черкесы отныне являются членами ОННН, и у нас появятся дополнительные возможности для совместной работы.

Женева, 25 апреля 1994 года

Van Valt Van Praag,
Директор, Генеральный секретарь ОННН

№ 42

Обращение Президента РФ Б. Н. Ельцина

К народам Кавказа в связи со 130-летием окончания
Кавказской войны

Уважаемые соотечественники!

События более чем вековой давности возвращают нас к далеким годам, когда в борьбе за Кавказ столкнулись интересы Российской империи, Великобритании, Франции, Ирана и Турции. Все эти государства несут свою долю моральной ответственности за многострадальную судьбу горских народов.

Эхо Кавказской войны, которой были принесены большие человеческие жертвы и материальные потери, до сих пор болью отзывается в сердцах многих россиян. Пусть земля будет пухом тем, кто пал на поле боя, потерял жизнь от жестокости войны, и тем, кто, будучи вынужденным покинуть Отчизну, умер на чужбине, испытав горечь

утраты родины. Пусть память о тех давних трагических событиях хранится в сердцах потомков и служит всем нам предостережением от новых трагедий.

В разные периоды истории, в зависимости от политической обстановки, Кавказская война 20–60-х годов XIX века оценивалась и освещалась по-разному. В настоящее время, когда Россия строит правовое государство и признает приоритет общечеловеческих ценностей, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны как мужественной борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера.

Проблемы, доставшиеся нам в наследство от Кавказской войны и, в частности, возвращение потомков кавказских переселенцев на историческую родину, должны решаться на международном уровне путем переговоров с участием всех заинтересованных сторон.

Дорогие соотечественники!

В нашем сознании Россия и Кавказ стали неразрывно связанными понятиями, одно невозможно представить без другого. В Нальчике, столице Кабардино-Балкарии, поставлен памятник Марии Темрюковне, на котором высечены слова: «Навеки с Россией». Эти слова святы и дороги каждому россиянину.

Уверен, что сплоченность в построении демократического государства, общественное и межнациональное согласие, гражданский мир явились бы верной порукой тому, что мечты лучших представителей России и Кавказа о благополучии и процветании народов, населяющих нашу страну, станут реальностью.

Б. Н. Ельцин

№ 43

Из доклада Президента КБР В. М. Кокова на траурном собрании представителей общественности Республики

Дорогие сограждане!

Мы собрались в этот майский день по зову памяти, велению времени и воле истории.

Печальный повод – 130-летие со дня завершения

многолетней Кавказской войны, в результате которой под угрозой оказалось само физическое существование адыгов (черкесов), — заставляет нас вновь воскресить в памяти страницы, ставшие черными в истории нашего народа, да и всего человечества, заново осмыслить причины этой трагедии.

Сегодня, вспоминая трагические дни, склоняя головы перед памятью героических сыновей, дочерей адыгской земли, жертв Кавказской войны, мы гордо заявляем: народ, на протяжении тысячелетий признававший в качестве высшей ценности стремление к свободе и любовь к родной земле, уважение к личности, не исчез вопреки всем невзгодам, превратностям судьбы, сохранил высокое достоинство и будет жить, занимая свое достойное место в мировом сообществе народов.

О Кавказской войне за последние годы написано и сказано немало. Вместе с тем в этом вопросе еще немало белых пятен. Взвешенная, научно обоснованная историческая и политическая оценка этой войны и насильственного изгнания сотен тысяч людей с родных земель в пределы Османской империи нам нужна для выработки правильного понимания и осмыслиения сложных и противоречивых процессов и, самое главное, выработки перспективной политики решения вопросов нашего возрождения.

Это неверно, что ничего нельзя исправить в нашей судьбе и в нашей истории. Понять причины народной трагедии, исключить ее повторение — это и есть исправление исторических ошибок.

Но история учит только тех, кто хочет учиться. Мы обязаны вновь и вновь обращаться к прошлому, ибо часто еще убеждаемся в ясной связи немалого числа сегодняшних явлений с далеким прошлым...

<...> С точки зрения политico-правовой оценки действия царизма против черкесского народа можно квалифицировать только как акт геноцида, который в международно-правовой системе характеризуется как одно из тягчайших преступлений против мира и человечества.

В нашем отечестве, а также в черкесской диаспоре, немало людей ждало, чтобы Россия на официальном уровне признала эту темную страницу в истории взаимоотношений с адыгами и северокавказскими народами.

Сегодняшняя демократическая Россия в лице Пре-

зидента Бориса Николаевича Ельцина обратилась к народам Кавказа в связи с 130-летием окончания Кавказской войны. В Обращении Президент выражает соболезнование всем кавказцам и соотечественникам, живущим по всему миру; памятуя уроки прошлого, он справедливо считает необходимым дальнейшее единение народов России.

Таким образом, факт признания Кавказской войны и ее трагических последствий, явившийся в течение долгого времени больным не только для нас, но и для российского общества, на котором эта проблема лежала психологическим бременем сегодня, в свете указанного выше Обращения, получает позитивное решение.

Да. Геноцид оставил глубокий след в памяти адыгского этноса, стал частью духовной жизни каждого черкеса, где бы он ни жил.

Вместе с тем необходимо отметить, что современная Россия не может считаться ответственной за трагедию, пережитую адыгами в эпоху царского самодержавия. Мы решительно подчеркиваем, что признание этих исторических событий как геноцида не может служить поводом для каких-либо политических или территориальных требований в отношении современной России. Оно нам нужно, чтобы на федеральном уровне и через соответствующие международные организации добиться на межгосударственном уровне понимания и решения вопроса депатриации наших соотечественников. Составной частью этой проблемы, на наш взгляд, является проблема двойного гражданства.

Оглядываясь назад, мы наряду с трагическим не должны забывать и героических страниц нашей истории. В том числе и о русско-адыгских отношениях, которые установились задолго до Кавказской войны, наполнены позитивным содержанием и которым развиваться вечно...

<...> 21 мая не только день национальной скорби по невинным жертвам кровавой войны, но и день, когда мы, оглядываясь на пройденный исторический путь, можем и должны заявить: никто не забыт и ничто не забыто, жизнь продолжается, а в ней есть достойное место и для адыгского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (на материалах адыгской истории)	8
§ 1. Адыги на этнотерриториальной карте Северного Кавказа	8
§ 2. Антиколониальная борьба Кабарды в конце XVIII – первой половине XIX века	18
§ 3. Антиколониальная борьба Западной Черкесии в первой половине XIX века	30
§ 4. Насильственное выселение адыгов и других народов Кавказа в Османскую империю	38
КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ДОКУМЕНТАХ И ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ	45